

Полина Ром

ДВА ЛИКА
ИРЭН

Полина Ром

Два лика Ирэн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73491853

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты росла в патриархальной семье, если твой муж всю вашу жизнь считал, что «жена должна», то попав в новый мир, еще более патриархальный, чем твой собственный, будешь ли ты меняться? Есть ли в этом смысл? Что, вообще, способно изменить женщину, мягкую и робкую по характеру, привыкшую подчиняться главе семьи?

Казалось бы – слушайся мужа, и все будет хорошо! А если плохо – значит, ты сама виновата!

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОЛОГ.	4
Глава 1	17
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	73
Глава 7	84
Глава 8	95
Глава 9	106
Глава 10	118
Глава 11	130
Глава 12	142
Глава 13	154
Глава 14	167
Глава 15	177
Глава 16	187
Глава 17	199
Глава 18	210
Глава 19	220
Глава 20	232
Глава 21	244
Конец ознакомительного фрагмента.	251

Полина Ром

Два лика Ирэн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОЛОГ.

– Ирина Викторовна, ну что, с Гошкой посидите?

– Приводи, конечно, Танюша. Мы с ним пирожки лепить будем. А вернёшься – мы тебя чаем будем поить!

– Вам что-то купить нужно?

– Нет, спасибо, Танюша. Всё у меня есть...

Соседка Танечка, двадцатисемилетняя мама-одиночка, частенько выручала Ирину Викторовну. То в магазин сбегает, продуктов две сумки притащит, то к врачу запишет по этому их интернету, то окна поможет помыть.

Правда и Ирина Викторовна никогда не отказывала ей в помощи. Вся короткая история семьи Танечки прошла у неё на глазах. Ирина Викторовна прекрасно помнит, как неза-

долго до их свадьбы с Димой, молодые и счастливые, делали они ремонт в квартире, оставшейся от Таниной бабушки. До этого почти десять лет жили здесь разные квартиранты. А теперь вот и пригодилось жильё. Быстро как-то промелькнули свадьба-беременность-роды, славный парень Дима стал скучать дома. Нет-нет, да и приходил выпивши...

Тогда, семь лет назад, Ирина Викторовна ещё была пошустрее, иногда помогала Танюше с маленьким крикуном Гошкой. Забирала погулять на пару часов, давая возможность молодой матери передохнуть от колик-газиков-режущихся зубов. Катала коляску со спящим малышом и иногда с тоской думала, что если бы не послушалась в своё время мать, то, глядишь, сейчас бы своих внуков выгуливала.

Бесплодность её покойному мужу, Андрею, установили аж на девятом году брака. И то, после большого скандала, когда накричала она на него, наверное, первый и последний раз в жизни. Ну никак он проверяться не хотел! Сама-то она к тому времени всех врачей обошла и знала, что здорова и хоть сейчас беременей да рожай!

Подумывала ведь тогда о разводе-то, подумывала... Толь-

ко мать Ирины – женщина старой закалки, суровая и на ласку не щедрая, так на неё рявкнула, что и думать о разводе Ирочка, как тогда ещё звали её на работе, забыла:

– Ты что, зараза малахольная, семью позорить будешь? Какой-токой тебе развод?! Не пьёт, не курит, что тебе ещё от мужика надо?! А что леща иной раз отвесит, так шустрее нужно быть! Муж пришёл с работы, а ты на диване валяешься! Кто такое терпеть будет?! Какая ещё мигрень в твоём возрасте?! Сама и виновата! Хороший мужик у тебя, вот и сиди при нём!

Сама Ольга Фёдоровна именно так и делала – сидела при муже. Ну а то, что попивает иногда, да и, вроде как, погуливает – так мужик же, какой с него спрос?! Служила ему истово, верой и правдой, обихаживала хозяина. Без неё отец не знал, где ложку взять, где носки хранятся. Ну, надо сказать, что с возрастом папаша Ирочкин утомился. А в шестьдесят один год тихо отошёл в мир иной на руках у рыдающей жены. Без него Ольга Фёдоровна загрустила, затихла и через два года оставила Иру сиротой.

Ирина Викторовна потрянула головой, отгоняя дурные

воспоминания, и пошла на кухню, где уже несколько минут без присмотра шуршал Гошка – такого оставь одного – греха не оберёшься! Хороший мальчишечка, хоть и шkodник! Прошлый раз пекли булочки – взял, поросёнок, и солью одну вместо сахара посыпал! А она-то всё понять не могла, что это хихикает он?! Смех и грех с ним! Так что уж в этот раз лучше присматривать нужно. Он, так-то, не злой совсем. Но любопытный да шebутной.

В этот раз, впрочем, не успел Гоша ничего натворить – отвлёкся на большую миску с очищенными яблоками, тихонько сидел и похрустывал ломтиками. Ну, для того Ирина Викторовна их и чистит в два раза больше, чем нужно. Пусть грызёт на здоровье. Прикипела она душой к Гошке бедолажному – ну-ка, без отца растёт парень...

Сходила даже прошлый год, как в отпуск они уезжали с Танюшей, к нотариусу. Завещание на мальчишку оформила. От своей-то семьи никого и не осталось, а она не вечная. Вроде как и не совсем старуха, чуть за шестьдесят. А и давление частенько скачет, да и лишний вес мучает.

Как-то вот быстро жизнь-то пробежала. Давно ли тон-

кая-звонкая Ирочка, лучась от счастья, целовалась с Андреем у подъезда, обмирая от страха, что мать в окно выглянет? И куда всё делось? И счастье то, и поцелуи...

Конечно, не дело парнишечку без отца растить, ой – не дело! Покойная матушка Ирины Викторовны никогда бы такого не одобрила! Да и сама Ирина Викторовна очень развод не одобряла. Как можно?! Ну, выпил муж раз-другой, а ты к нему с лаской, да приготовь повкуснее, да заботу прояви-пожалей! Глядишь, семья бы цела была. Матушка её вон как отца терпела-мучалась! И пил, и бил, и гулять не забывал! Но терпела же! Дочь без отца не оставила!

Нет, конечно, Диму, непутёвого мужа Танюшки, она тоже не одобряла – и ребёнка будил-пугал скандалами, да и Танюшку костерил не за дело, а так, лишь бы придраться. Только Танюшка, вишь, терпела-терпела год, а как ударил он её – тут терпелка у неё и кончилась. Сковородой мужу тут же ответила! Да так ответила, что свекровь её прибегала на следующий день, грозилась написать заявление о побоях...

Вспоминая этот скандал, Ирина Викторовна неодобрительно покачала головой. Нехорошо тогда вышло! И ведь на

развод подала! И не побоялась одна-то остаться! Конечно, оказалось, что ничего страшного и не случилось. И родители Танины помогали, да и сама она с Гошей сидела не раз, а Татьяна вышла на работу, подала на алименты и, вроде как, даже и не жалеет, что у неё мужа нет, а у Гошеньки – отца... Не поймёшь их, молодых нынешних. А всё же не гоже мальчику без отца расти.

Вечером пили чай с яблочными пирожками. Тесто у Ирины Викторовны всегда воздушное, лёгкое. Такое вкусное, что можно и начинку не класть! У Гоши вон и нос в корице и сахарной пудре! С собой им в пакет сложила с десяток:

– Утром ещё чайку попьёте!

– Ой, спасибо, Ирина Викторовна! Никто вкуснее печь не умеет. Сколько раз уже пробовала по вашему рецепту, а всё не такие воздушные.

– Ничего, Танюша, научишься.

– Давайте давление померяю, Ирина Викторовна? Что-то мне вид ваш не очень нравится...

– Не нужно! Я сейчас лягу да полежу. Да и не болит у меня ничего, так это... возраст...

– Да какой возраст! Пошли-пошли, померяем...

– Ну вот, а вы не хотели! Сейчас скорая приедет и укольчик сделает.

– Ой, Танюша, дай тебе бог здоровья.хлопот-то я тебе наделала...

– Ничего и не наделали, вы мне, всё же, не чужой человек...

Укольчик врач сделал, даже два сделал. И посидел, подождал, пока действуют. А потом вдруг заявил:

– Надо бы вам в больницу.

Спорила Ирина Викторовна, не хотелось из дома куда-то на ночь ехать:

– Да что мне делается?! Зачем же сразу в больницу-то?!

А Танюша в это время споро упаковывала зубную щётку, сорочку чистую, расчёску.

– Не волнуйтесь, Ирина Викторовна. Вот я мобильник кладу, как устроят вас – сразу звоните. А я к вам утром, перед работой забегу, что забыли вдруг – принесу.

– Цветы-то!

– Полю, не переживайте...

– Я там Гошеньке носки довязала, такие, как он хотел, с ёжиками – возьми, забыла отдать!

– Вот как заберём вас из больницы, так сами и отдадите.

Вот так и оказалась на ночь глядя Ирина Викторовна в палате, где кроме неё лежала только совсем уж старенькая бабушка. А и правда, ничего страшного не случилось. Утром прибежала Танюша, принесла целый пакет вещей и тёплую

кашу рисовую, такую, как любит Ирина Викторовна. И рисунок от Гоши – портрет. И обещала после работы забежать – рядом же тут, всего одна остановка! А Гошу Нина Павловна заберёт, с первого этажа. И вот она вам ещё тут передала варенья...

Лечили таблетками, да ещё и капельницы ставили. Бабулька на соседней кровати, вроде как, не в себе была, но тихая. А третья койка – вовсе пустая. Под капельницами лежать было нудно, затекала рука, но Ирина Викторовна терпела – не в её характере жаловаться. Только всё чаще вспоминала покойного мужа, даже удивительно, какие воспоминания-то однообразные получались. То вспомнилось, как он за горелый пирог подзатыльник ей отвесил при гостях – так обидно было! То, как денег ей пожалел на сапоги модные. Сказал – старые не доносила ещё! А ведь и деньги были, не бедствовали. То, как когда-то обещал ей серёжки золотые на тридцать лет, а сам сестре купил и отдал.

– Я мужик, я и решаю, куда и как деньги тратить! Не родилась ещё баба, которая мне указывать будет!

Что она, золовка – змеиная головка, что свекровушка по-

койная только и смотрели, что бы из Иринино дома при-
брать. Её же ещё и упрекала свекровь:

– Сгубила жизнь мужику, неродица! Вона какой парень-то
у меня, кровь с молоком! А ты, из-эх... – и рукой махала
презрительно...

Ну, не рассказывать же деревенской тётке, с семьёй клас-
сами образования, кто виноват, что детей нет. Всё равно не
поверит, только пуще лаяться будет.

А уж совсем обидно было, когда на похороны мужа при-
шла его мадама, крашенная в ярко-рыжий, с подведёнными
глазами. Моложе лет на пятнадцать, чем Ирина Викторовна.
И ведь стыда не побоялась – рыдала у гроба. Ну, конечно,
и её понять можно – за пять-то лет, что они любились про-
меж собой, она с него все накопления вытянула! На похоро-
нах в шубе норковой в пол была! О таких деньгах можно и
поплакать. То-то он жену в санаторий брать не захотел – с
ней ездил! И ведь все вокруг знали, весь цех, с кем работала
раньше, с кем дружила, а никто не сказал! Зато потом доб-
рохотов сколько нашлось – уколоть! Вот после тех похорон
и не осталось у Ирины Викторовны друзей.

Так что, если бы не северная пенсия, неизвестно, как бы и жила дальше. Да и так пришлось лишние шесть лет отработать – восстановить накопления хоть немного. До смерти-то все деньги на счету Андрея хранились. А потом только и выяснилось, что нашёл он, на кого потратить. А свекровь сына пережила и квартиру Иришкину на десятый день после похорон пришла делить.

– Сынок мой наживал, Андрюшенька... Не для тебя, пустоцвета, чай! Тебе, неродице, и остатков много! А мне уну-чикам хоть чего оставить будет!

Пришлось кредит брать и выкупать у неё четвертую часть своей же квартиры. Хотя и не больно дорогие у них хоромы, а не так и легко выплатился кредит. А потом ещё и свекровь умерла. А у золовки трое детей, откуда у неё деньги на похороны? Вот тоже расходов много было. Ну, сейчас грех жаловаться – не нуждается она. И пенсии хватает. И на чёрный день есть немного. Но как вспомнится всё это – тоскливо становится. Как-то больно безрадостно жизнь-то прошла.

Днём, после капельницы, Ирина Викторовна вязала крючком разные салфетки. Пристрастилась на пенсии. Дома сериал какой ни есть включить и сидит, считая про себя:

– Два столбика с накидом, один соединительный...

Говорят, сейчас всё это не модно, а Ирине Викторовне очень нравилось. Спокойное такое занятие, интересное. А уж красота выходила – и вовсе сказочная. Раньше-то ей всё не до того было. С работы прибежит – готовить да убирать нужно, а потом – то стирка, то закрутки, если осень, то све-крухина дача, ежели лето. Только и успевай поворачиваться. А сейчас-то – чего же не повязать?! Танюша ей находила всякие-разные узоры и на планшете вкладки оставляла. Всегда можно посмотреть, как и что. Сама-то она не больно умела пользоваться, но уж ролик включить и посмотреть – это-то могла. Вот и пригодился планшет, который ей от коллектива подарили, когда на пенсию вышла.

Вот и сейчас вязала она в своё удовольствие. До капельницы ещё больше часа, так что как раз успеет кайму закончить. А то, что сердце кольнуло – так пройдёт. Потерпеть немного – и пройдёт. А после работы прибежит Танюша, принесёт

компот и ниток ещё.

Только вот что-то дышать тяжело стало... Ирина Викторовна потянулась к кнопке вызова, но так и не успела нажать – вдруг совсем кончился воздух... Клубок белого кроше свалился с тощего больничного одеяла и закатился под койку...

Глава 1

Пробуждение Ирины Викторовны нельзя было назвать обычным. Станным было всё, начиная с обстановки комнаты, где она очнулась, заканчивая остальным – непривычными запахами и тусклым сероватым светом, падающим из узких окон, затянутых ромбиками серой плёнки вместо стекла.

Ну, например, зрение. Очки Ирина Викторовна носила уже лет... Да она и сама не могла точно сказать, сколько лет, но больше двадцати.

Сейчас она рассматривала каменную кладку стены на расстоянии... Метров десять – точно было. И она видела каждую прожилку и завиток рисунка, каждый неряшливый стык между камнями. А ведь ещё сумерки...

Или уже сумерки? На мгновение закружилась голова, хотя встать с лежбища, где она очнулась, Ирина пока и не пробовала. Слишком всё вокруг странно, непривычно, страшно...

В углу, там, где была самая густая тень и громоздилась непонятная куча, кто-то зашевелился, зашуршал прямо на полу, и хрипловатый со сна голос сказал:

– Анги, Анги, вставай... Госпожа в себя пришла... Да просыпайся ты уже, Анги!

Ирина затихла, не слишком понимая, как из больницы она попала в это место с каменными грубыми стенами, с воняющей дымом и гарью широченной кроватью, устеленной грубыми, пахнущими кислятиной шкурами, где рядом с ней лежал ещё кто-то... Вроде как – молодая девушка. Где в углу шевелились неведомые люди, одного из которых звали Анги... Или одну из них?

Где больница и незаметная, глуховатая, отстранённая от мира бабушка-соседка?! Чистое бельё и голубые стены, специфический запах дезинфекции, боли и бессонницы. Цокающие каблучки медсестёр и горьковатый дух лекарств?! Что вообще происходит?!

Нервно подняла руку и смахнула липнущую к лицу паутину волос. И застыла, внимательно рассматривая узкую кисть и пальцы

Грязноватые, с тёмными полосками под ногтями, но, несомненно – чужие. Такая рука могла принадлежать молодой девушке. Хрупкая кисть, длинные пальцы, сероватые от грязи, довольно нежная кожа...

Тем временем в углу, где обитал неведомый Анги, послышались зевки и шуршание, кто-то выбрался из шевелящейся кучи тел и шкур и прошлёпал к большой дыре в стене.

Ирина Викторовна затихла, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания. Дыра в стене – не просто так дыра. Всплыло забытое слово – камин! По бокам от тёмного пустого зева – грубые резные каменные колонны, кованая решётка-подставка, куда лохматое существо в засаленном и облезшем кожухе складывало крупные поленья, сучья, потом добавило горсть еловых шишек и несколько кусочков мха.

Существо пощёлкало какой-то железкой по зажатому в руках камню, долго дуло на мох, стоя на коленях и засунув голову почти в центр тёмной норы, когда наконец оно слегка кашлянуло, а из камина отчётливо потянуло дымом и небольшие язычки пламени заплясали на сухом мху, захватили шишки и самые тонкие веточки хвороста и, наконец, завладели одним из поленьев. В камине что-то громко щёлкнуло, рассыпало сноп искр, и огонь, наконец-то, разгорелся достаточно ярко.

Существо, всё это время терпеливо махавшее на разгорающееся пламя круглой плетёной штуковиной, оказалось достаточно молодой девушкой – лет двадцати, только очень чумазой и лохматой.

Серое платье из ткани, напоминающей мешковину. Крупная грудь, которая не знала бюстгальтера и, похоже, вообще никакого белья, мягко колыхалась при любом движении. Сквозь небольшую прореху видна тонкая белая кожа в пупырышках /даже такую мелочь Ирина Викторовна видела сейчас отчётливо/. В комнате было весьма прохладно – отсюда, похоже, и ознобные мурашки на девичьем теле. Лоснящаяся от грязи и жира, длинная, облезлая жилетка с клочковатым мехом. Видно, что вещь очень стара, так стара, что истлела уже часть ниток, соединяющих боковые швы, и пучки уцелевшего меха торчали неровной бахромой.

Разгоревшееся пламя освещало простоватое лицо, впрочем, вполне симпатичное. Волосы, если отмыть, будут соломенного цвета, наверное. Светлые брови и ресницы и серые глаза, грубоватый, немного «картошкой» нос, крупные красивые губы, сочного цвета спелой малины.

Всё это Ирина Викторовна видела так отчётливо, в таких мелких деталях, типа непропрядов на грубой ткани или двух выбившихся из нечёсанных волос соломинок, что оставалось только удивляться остроте нового зрения.

На ногах у девушки, вместо нормальных тапок – что-то вроде плетёных из толстых неровных ниток лаптей. Торчат в стороны узелки, неровные концы, какие-то странные лохмотья и пучки. Похоже, для тепла там просто добавлены кушочки непряденой шерсти. В деревне, где раньше жила све-кровь-покойница, такую, ну или похожую обувь называли чуни. Носили её только в помещении, зимой, чтобы ноги не мёрзли.

– Госпожа? – девица подошла к кровати и робко потрогала руку Ирины Викторовны.

Всё это время, пока Анги пыхтела и фукала, раздувая огонь, Ирина лежала на жёстком тюфяке, в куче дурно пахнущих шкур, ни жива ни мертва, и смотрела в лежащее рядом молодое девичье личико хорошенькой шатенки, сонно моргающей глазами. Ей казалось, что, обнаружив чужого человека в своей койке, любой начнёт орать, как ненормальный! Но шатенка только потёрла кулачками глаза и, позёывая, спросила:

– Ну что, очухалась?

Потом, не дожидаясь, пока обомлевшая Ирина кивнёт головой, повернулась к ней спиной и, сладко потянувшись, зарылась в шкуры снова.

Ирина Викторовна, забывшая от этого странного ужаса, как надо дышать, тихонько откашлялась, снимая спазм в горле.

Лежала, стараясь не шевелиться громко, тщательно зажмурив глаза, и думала...

Телевизор она последние годы почти не смотрела – слишком много негатива лилось с экрана. То убийство и отравление честных бизнесменов, то маньяк и пропали дети, то дом обрушился... Да ну их всех – одни ужасы!

А вот про любовь и принцесс почитать она любила. Чтобы магия всякая и обязательно – отбор невест! А чтобы и вязать ещё можно было, Танечка ей скачивала такие истории, которые дикторы хорошие читали. Так что в попаданках и драконах Ирина Викторовна разбиралась просто прекрасно. И умом-то она понимала, что вот она сейчас и есть – та са-

мая попаданка, про которую потом в книге напишут. Только вот на дворец и отбор невест всё это попаданство маловато походило. У них здесь поди и принцы такие же немытые!

Да и вообще! Раньше всегда ей казалось, что это – вроде сказок для взрослых... А какие уж тут сказки, если сама она в чужом теле, даже и не слишком понятно, на кого похожем, и запахи вокруг тяж лые и мерзкие, и чужие лица людей, и всё просто кричит ей о том, что это вот – самая, что ни на есть, реальная реальность?

И нужно что-то отвечать той лохматой грязнуле, которая аккуратно трогает за руку и зовёт Ирину Викторовну:

– Госпожа? Госпожа Ирэн, вы в себя-то пришли или нет ещё? – одновременно зевая и осеняя свой открытый рот мелкими крестящими движениями.

Ирина Викторовна неожиданно поняла, что Ирэн – это она и есть.

Глава 2

Чумазая девица продолжала вопросительно смотреть ей в глаза, поэтому Ирина Викторовна собралась с духом и ответила:

– Не шуми, Анги... Пусть все поспят ещё.

– Да как поспят-то, ежели леди ваша велела сразу, как в себя придёте, её позвать?! Ежели вы очухались, значит, я сей минут и сбегаю за леди Берритой...

Ирина Викторовна на мгновение задумалась и поняла – смысла нет хоть что-то откладывать. И потом, раз леди Беррита – мать госпожи Ирэн, то, возможно, она или сразу поймёт, что дочку ей подменили... Или – вообще никогда не догадается об этом. Так-то, если подумать, разве нормальному человеку этакое в голову придёт?!

И потом, заметить можно подмену родного и любимого человека. А родных и любимых не держат в таком свиноманьяке!

Вся душа аккуратистки Ирины Викторовны возмущалась, видя сор и грязь на полу, щепки и кусочки коры, щедро рассыпанные вокруг корзины с дровами у камина, мутную немытую плёнку на окне и месиво посуды, костей и крошек на большом столе у ближайшего к кровати окна.

А уж балдахин над её ложем и вообще требует отдельного описания. Ткань покрыта сажей и пылью в столько слоёв, что кажется жёсткой, как накрахмаленная. А на самом деле – просто грязная! И то тряпье, что надето на ней, воняет потом и кисловатым запахом немытого тела.

Никакого недомогания она не ощущала, поэтому, пока Анги ходила за леди Берритой, села на кровати и только тогда почувствовала головокружение и некоторую слабость. И тянущую боль в затылке. Ничего критичного, просто – неприятно.

Машинально подняла руку и сквозь спутанные волосы нащупала приличных размеров шишку, окружённую жёсткими, пропитанными засохшей кровью волосами.

– Ирэн! Ляг сейчас же! – в комнату ворвалась невысокая полноватая женщина в странной одежде – Вдруг тебе станет хуже!

Тёмно-бордовая, плотная и глянцевая ткань платья была пересечена на груди крест на крест толстым витым оранжевым шнуром, отчего крупные груди женщины вызывающе и несколько нелепо торчали в стороны.

Из-под бордового платья, что едва закрывало колени, выглядывало сантиметров пятнадцать-двадцать зелёного края нижней одежды, а уж из-под него, почти до полу, шёл оранжевый слой. Судя по некоторой «капустности» фигуры, это не воланы, а именно – три платья, надетых одно на другое. Конечно, в комнате зябко, но утепляться лучше шерстью, а не шёлком. Или это просто мода? На ногах у женщины были тёплые чулки и кожаные, несколько неуклюжие туфли на плоской подошве.

Совсем необычными выглядели рукава. Обтягивающий руку оранжевый, спускающийся так, что закрывал до кончи-

ка ногтя большой палец руки, пошире и покороче – зелёный, он доходил до середины предплечья, и совсем уж нелепо выглядели бордовые пышные «крылышки», заканчивающиеся точно у локтя.

Волосы леди были собраны в два рожка близко к макушке и покрыты очень тонкой, полупрозрачной вуалью. Крепилась вуаль надетым сверху узким обручем из жёлтого металла, отчего верх головы, плотно обтянутый светлой тканью, казался почти прямоугольным.

Ирина Викторовна легла, а эта самая леди, поманив пальцем Анги, ткнула ей куда-то вниз. Не слишком понимая, что там внизу происходит, Ирина Викторовна старалась рассмотреть лицо леди Бер... Как её там?

Самое обычное лицо, полноватое, с чуть обвисшей складочкой под подбородком, серыми глазами и обычным носом. Лет тридцать, не меньше. Брови подведены довольно сильно, на их фоне глаза со светлыми ресницами кажутся голыми.

Наконец, леди со словами:

– Анги, сколько можно возиться? – сделала какое-то странное движение телом и, высоко подобрав свои многослойные одёжки, так высоко, что стало видно, что чулки длинной всего до колена и привязаны витым шнуром прямо к ногам, влезла на кровать. Забралась под кожуру к Ирэн, погладила её по лицу и прошептала:

– Бедная моя девочка! Я ничем не могу тебе помочь! Я так умоляла лорда Беррита! Но ты же знаешь отца...– она тяжело вздохнула.

У Ирины Викторовны навернулись слёзы на глазах – столь резко и ядрёно пахло от женщины чесноком. Чуть повернув лицо в сторону, она сделала вдох и сказала:

– Кто такой лорд Беррит?

Женщина удивлённо, даже надменно вскинула брови и спросила:

– Что вы себе позволяете, госпожа Ирэн?! Вы хотите, чтобы я пожаловалась вашему отцу на вас?!

– Я, госпожа, ничего не помню и не знаю вас...

– Не смей называть меня госпожа! – женщина разозлилась и скатилась с кровати – Анги, туфли! – скомандовала она.

Анги снова присела и исчезла из поля зрения Ирины Викторовны. Похоже, сейчас она шнуровала женщине туфли.

– В благодарность за все мои заботы, госпожа Ирэн, вы грубите мне и ведёте себя, как уличная девка! Я пожалуюсь лорду Берриту на ваше возмутительное поведение!

С этими словами, высоко задрав подбородок, леди, но не госпожа, протопала к дверям и застыла, дождавшись, пока лохматая Анги забежит вперёд и распахнёт перед ней тяжёлую высокую створку.

Ирина Викторовна села на кровати от тычка в бок со стороны заспанной шатенки. Та уже сидела, потирая кулаком

глаза и, кутаясь в сшитые шкуры, выговаривала:

– Вечно вы с леди Беррит изводите друг друга! Ну вот чего опять не поделили? Понятно же сразу было, что всё равно замуж она нас спихнёт! Ах, я так уговаривала лорда Беррита! – передразнила она леди писклявым голосом. – Уж кто-кто, а она-то умеет уговаривать! Только зачем бы мы ей тут нужны были, а, Ирэн? Ты моложе всего на год, а дура-дурой! Нашла к кому за защитой кинуться! Сейчас вот пойдёт, отцу нажалуется на тебя – он за тобой денег меньше даст! Мне же лучше будет!

Ирина Викторовна поймала сочувственный взгляд Анги, повернулась спиной к девице, даже не понимая, что сделала не так, чем госпожа хуже леди, откуда на затылке шишка и что теперь делать?!

Хотя то, что она – попаданка, не вызывало больше сомнений. Можно найти дурацкую одежду и странную комнату, вонючие шкуры и кучу артистов. Не понятно, кому это может быть нужно, но – возможно. Но ни один нормальный человек не станет есть чеснок перед работой. Значит эта самая леди – не артистка.

Полежать подольше и додуматься хоть до чего-то она не успела. Минут через десять в дверь сильно и резко постучали, явно не опасаясь кого-либо разбудить, и громкий мужской голос выкрикнул:

– Лорд Беррит вызывает госпожу Ирэн! Немедленно!

Засуетилась Анги, вытягивая Ирэн из кровати чуть ли не за руку. В спину, со стороны шатенки, прилетело довольное:

– Ну вот, что и следовало ожидать!

Анги, в это время стоя на коленях, натягивала Ирине Викторовне чулки, подвязывала под коленкой довольно плотно, вызывая внутренний протест: «нельзя же так ноги перетягивать!». Надела на неё такие-же чуни, как у себя. Возле кровати валялись ещё одни такие же лохматые обутки. Очевидно, эта пара принадлежала шатенке. А леди, значит, могут носить туфли. Но ведь, наверное, это не единственная разница?!

Прямо на серую полотняную одежду, в которой Ирэн спала, Анги напялила тяжелое суконное платье, лоснящееся от старости и грязи на рукавах, по вороту и на коленях. И всё время шептала:

– Ой, быстрее-быстрее, госпожа Ирэн! Ой, огневается лорд – всем худо будет.

Ирина Викторовна ощущала небольшую слабость, чуть кружилась голова, но из-за непонятности всего окружения она даже не представляла, что делать. Кому тут пожалуешься? Остаётся только одно – потерпеть!

За дверью её уже дожидался невысокий плотный мужчина в очень коротких, надутых пузырями, штанах-шортах, чулках разного цвета – один зелёный, второй – в чёрно-белую косую полосу. Под крупным пивным животом – широкий пояс с яркими медными бляшками и длинная кожаная палка, глядя на которую Ирэн подумала: «Шпага! Или – меч?!». Короткий жакет на нём чем-то напоминал дамскую одежду – возможно тем, что по коричневому полю цвели золотые и розовые пионы.

– Следуйте за мной, госпожа Ирэн!

Больше ни одного слова мужчина не произнёс, повернулся к ней спиной и двинулся по узкому, тёмному коридору, держа над головой в левой руке короткий факел.

Шли долго, коридор вилял, перешёл в широкую лестницу и огромную комнату с высоким потолком и розоватым каменным полом. В дальнем конце комнаты, на возвышении стоял длинный стол, из-за него торчала высокая спинка золоченого кресла и по бокам от этой спинки замерли два настоящих рыцаря в латах! Или это просто латы, для украшения? Без живых людей внутри? Спросить Ирэн не решилась. Пройшли и эту комнату, и ещё несколько полупустых, потом снова узкий коридор, винтовая лестница и на втором этаже – высокие двустворчатые двери с густой резьбой.

Мужчина, сидящий в комнате за столом, уставленном тарелками с развороченной едой, раздербаненными тушками курицы, обломками пирогов и огрызками хлеба, был пьян.

Давно и сильно...

Мутно посмотрев на открытую дверь, в которую под крик:

– По приказу владетельного лорда Беррита – госпожа Ирэн! – робко вошла худощаая светловолосая девушка, он мотнул головой, словно отгоняя муху, потом мотнул ещё раз и рявкнул:

– Питер! Вина!

Подросток, лет десяти-двенадцати, одетый в затейливый костюм, половина из которого была коричневой, половина – жёлтой, подскочил к лорду, взял со стола высокий узкогорлый кувшин и, неуверенно поболтав им в воздухе, заявил:

– Красное закончилось, мой лорд! Прикажете подать вам белое?!

От кубка, брошенного крепкой, но неверной рукой, Питер привычно увернулся, а его лорд, промышав что-то совершенно бессмысленное, ткнулся красным отёчным лицом в

скатерть...

Глава 3

Питер выглянул в коридор, махнул кому-то рукой и сказал:

– Лорда нужно отнести в опочивальню!

В комнату, где застыла у дверей Ирина Викторовна, прошли трое крепких мужчин. Двое – точно слуги, а один, вроде бы – солдат. Вон какой меч на боку мотыляется.

Привычно подтолкнули лорда с кресла и, когда он стал заваливаться, двое взяли за руки и плечи, а один нёс ноги лорда. Питер шёл впереди и освещал дорогу факелом.

Спальня лорда была довольно близко, пришлось только пройти по чуть выгнутому дугой широкому каменному коридору со следами копоти на стенах и потолке.

Огромный полукруглый зал с огнём, полыхающим в камине, не просто костерок – злобно ревущее пламя, пожи-

рающее целое толстенное бревно. Это не мешало гулять по комнате мерзким сквознячкам и пошевеливать края тяжёлых штор, балдахина, играть бахромой каймы двух низеньких табуреток.

В центре зала – кровать размера кинг сайз, с тяжёлым пологом, с кучей тряпья и подушек, сваленных довольно бессмысленно и неряшливо. Бельё пованивало нечистоплотным пропотевшим мужиком. Фу-у-у... Ну как так жить-то можно! Воды что ли нет?!

Ирина Викторовна смотрела, как слуги, на счёт:

– И-и-и-рраз, и-и-два, и-и-три – забросили лорда на кровать. Питер заботливо укрыл ему ноги и накинул что-то вроде одеяла на туловище. Снять с него обувь никто даже не подумал.

– Вы, госпожа Ирэн, напрасно ждёте... Лорд, бог даст, только к вечеру проснётся. – Питер вопросительно смотрел на Ирину Викторовну и, очевидно, ждал что она уйдёт. Но, как ни странно, сцена с пьяным «папочкой» её вовсе не ужа-

сала. Она такое сто раз видела, разве что – менее пафосно, без прислуги и без обращения – мой лорд.

Поэтому она оглядела комнату и, решив, что здесь она никому не помешает, а её никто и не найдёт, заявила:

– Питер, я останусь с отцом.

Несколько растерянно, но Питер послушно кивнул головой и пошёл к выходу.

– Впрочем, погоди. Отведи меня сперва на кухню.

– На кухню, госпожа Ирэн?!

Кажется, Ирине Викторовне удалось удивить мальчишку.

– Но что вы там будете делать, госпожа?! Давайте я лучше позову повара сюда, и вы сможете приказать всё, что желаете!

– Хорошо, зови повара.

Спорить Ирина Викторовна не собиралась. Но она прекрасно умела обращаться с пьяными и совершенно точно знала, что нужно похмельному мужику.

Через час, в результате долгих препирательств с толстяком в заляпанном жиром фартуке, имени которого она так и не узнала, и с надменной тёткой, к которой все обращались «мадам Векс», слуги, переглядываясь, принесли всё, что потребовала Ирина Викторовна и двухстворчатую дверь, наконец, закрыли.

«Папа» мирно похрапывал на кровати, периодически выводя особо сложную и витиеватую руладу, а Ирина Викторовна внимательно смотрела на кучу вещей, которую принесли по её просьбе. Просить пришлось, конечно, долго, не один раз повторяя и объясняя, чего, ей, собственно, нужно.

Огромная пустая корзина. Котелок литра на четыре, в котором лежала луковица, чищенная морковь и приличный ку-

сок сырого мяса и сверху небрежно была брошена промытая свиная голяшка. Большой котёл с холодной чистой водой, что-то вроде пивной кружки из блестящего металла с крышкой. Небольшая груда тряпья.

Отдельно, на подносе, что установили на столе, в крошечных мисочках лежали горками соль, какая-то серая невнятная масса, перец горошком, ровно пять штук, как она и просила, небольшой каравай хлеба, пара ложек и хороших размеров тесак. Про доску для разделки мяса она просто забыла.

Первым делом Ирина Викторовна собрала со стола грязную посуду. Не хватало ещё в таком свинарнике сидеть! Скидала в корзину и выставила за дверь. Оглядела стоящих по обе стороны двери вояк – им, пожалуй, приказывать не стоит.

Так-то приятно, что она в теле местной принцессы очнулась. Но, судя по тому, что видела вокруг – не совсем принцесса тут главная. Жаль, что Питер этот самый куда-то исчез. И спросить-то не у кого, где кухня и куда унести объедки! Вояки вон глаза таращат и молчат. У такого спросишь – а он

как рывкнет! Ну-ка, от греха подальше...

Бог послал, не иначе, идущую по коридору служанку, которая тащила стопку чистого белья.

– Стой-ка, девушка!

Служанка несколько неловко поклонилась, прижимая бельё к себе, и уставилась на Ирину Викторовну серыми блёклыми глазами. Крепкая женщина лет тридцати. Сгодится.

– Отнеси бельё, милая, и приходи мне помочь.

Служанка покивала головой, ещё раз поклонилась и пропустила по коридору, нервно оглянувшись.

Ирина Викторовна терпеливо ждала, пока служанка вернётся. А как вернулась, вручила ей корзину и попросила отнести на кухню.

– И ещё,хвати там, милая, доску, для разделки мяса. Забыла я сразу-то сказать.

В комнате Ирина Викторовна сняла тяжёлую бархатную скатерть со стола, подошла к одному из окон – вытряхнуть бы крошки и мелкие кости. Только окно оказалось очень странным. Узким, высоким, собранным из небольших квадратных стекла. И оно – не открывалось! Совсем.

Это как же они его моют-то?! Неужели каждый раз нанимают этих парней, которые на веревочках с крыши свешиваются?!

Слова – промалып/промышленный альпинизм/ – Ирина Викторовна не знала, но таких мойщиков видела на самом высоком здании у себя в городе – на бизнес-центре. Так ведь дорого поди, нанимать-то каждый раз? Укоризненно покачав головой, она вышла в коридор, прошла по дуге мимо кабинета до лестницы и, оценив грязь на полу, наконец-то вытряхнула скатерть.

По лестнице кто-то поднимался и, просто из любопыт-

ства, Ирина Викторовна задержалась на несколько секунд. Поднималась та самая служанка, таща в руках огромное деревянное блюдо с низким бортиком. Конечно, не доска для разделки, но и так сойдёт. Они тут вообще странно все живут.

– Пойдем-ка, милая, поможешь мне. Зовут-то тебя как?

– Шанта зовут, госпожа Ирэн.

Экое имя диковинное – Шанта. Нормальных-то имён что ли у них тут и совсем нет?! Вздохнув, Ирина Викторовна отправилась было в комнату, но сзади кто-то ухватил складку тяжелого бархата, который она привычно кинула на плечо.

– Госпожа Ирэн, давайте я понесу.

Ирина Викторовна удивлённо воззрилась на Шанту. Чай и сама она не немощная, да и это – просто скатерть. Не мешок картошки, не надорвёшься одной нести. Мгновение подумала – может быть, принцессам и не положено так делать? Пожалуй, стоит эту Шанту послушаться. Но как неловко-то!

Даже как-то стыдно – молодая девица с пустыми руками, а рядом женщина старше и блюдо несёт, и комок скатерти на ней же. Вздохнула, сняла скатерть с плеча служанки и пошла в покои «папы».

На деревянном блюде разложила овощи и мясо. Зачерпнула кружкой воды из котла, залила голень и подвесила в камине на один из крючков. Туда, где огонь поменьше. Хороший бульон требует долгой варки и медленного огня. Посмотрела на служанку, что так и стояла, опустив руки, у дверей. То ли пройти стесняется, то ли боится «принцессу»? Так дело не пойдёт!

– Шанта, ты, милая, проходи, у дверей-то не стой. Веник нам нужен, да и для полов тряпка не помешает. Порядок будем наводить пока этот – Ирина Викторовна мотнула головой в сторону храпящего тела – отсыпается. А как проснётся – отпаивать будем. С похмелья-то мужики злые, сама небось знаешь.

За день успели очень много. Оттёрли и отмыли почти всё, что стояло в комнате. Дубовый тяжеленный стол оказался не мыт с момента изготовления, не иначе. Конечно, скатёркой

цветной прикрыть грязь – милое дело, только нельзя же так!

Стулья, каминная доска, стены, на сколько хватило их роста и высоты стульев – всё было отдраено. С потолка длинной палкой с намотанной тряпкой сняли паутину. Пол тщательно подмели и дважды промыли. Запах в комнате стал значительно свежее. Если бы не лорд, дышащий застарелым перегаром, то и вообще бы отлично было.

Питер, которого уставшая Шанта притащила примерно в середине дня, без конца бегал на кухню и по разным поручениям.

Сперва, явившись на зов «госпожи Ирэн», пробовал было возражать:

– Госпожа, для этого слуги есть, а я паж!

Кто такой паж Ирина Викторовна себе представляла из книг. Пажи носят книги и корзиночки с рукоделием за прекрасными дамами. И ещё играют на лютне, развлекая этих

самых дам. Но паж у мужчины, наверное, должен делать что-то другое? Не только же кубки с вином подавать.

– Питер, скажи мне, в чьи обязанности входит устроить лорда спать? Кто должен это делать?

– Так я же и устроил, госпожа Ирэн!

– Ты его кинул как собаку! Даже обувь не снял! Это разве дело? Смотри, Питер, бог накажет за такое пренебрежение.

Нельзя сказать, что Ирина Викторовна была сильно верующим человеком. Всё же она и пионеркой побыла, и комсомолкой. Но потом, с подачи свекрови, она и на Пасху в церковь ходила – куличи святить, и свечи научилась ставить, и даже «Отче наш» выучила наизусть. Ну, это когда ещё думала, что свекровь её полюбит со временем. Надо сказать, симпатии свекрови она так и не получила, но привлекать бога в домашних спорах – научилась.

Питер помолчал, потоптался у приоткрытой двери, явно желая сбежать по своим личным делам, потом вздохнул и пошёл разувать лорда.

К вечеру, когда туша на кровати начала слегка шевелиться и постанывать, всё было готово. Томился в котелке густой мясной суп, куда Ирина Викторовна влила в самом конце ещё и чашку капустного рассола. Готов был тазик с горячей водой и чистой салфеткой – обтереть лицо и грудь, как лорд проснётся. А в кружке, в тепле, стоял наваристый, кисловатый от капустного сока бульон. С перчиком и лаврушкой. Душистый и способный снять жажду от любого похмелья.

Лорд на кровати заворочался, засипел. Это был важный и ответственный момент!

Ирина Викторовна отжала тряпку, прикоснулась к своей щеке – температуру проверила и быстро, привычными движениями, протерла лицо, волосатую грудь в глубоком вырезе несвежей рубахи и складки шеи. Лорд неуверенно пытался отмахиваться, но где же ему было сладить с ловкостью и сноровкой весьма опытной в таких действиях «дочери».

Наконец, лорд Беррит открыл глаза и засипел, явно стараясь что-то сказать. Не давая ему возможности потребовать

вина на опохмелку, Ирина Викторовна сунула ему под нос умопомрачительно благоухающую кружку с горячим бульоном и ласково сказала:

– Папенька, выпейте. Это сразу же поможет!

Слово «папенька» она тоже знала из романов об аристократках. Конечно, потом она «папеньке» выскажет, что так пить нельзя. Но сперва, всё же, чтобы скандала и склок в семье не было, мужика нужно привести в чувство. А уж потом воспитывать. И воспитанием она собиралась заняться уже скоро. Опыт у неё был большой.

Глава 4

Пока госпожа Ирэн проводила странные манипуляции с лордом, Питер напряженно всматривался в её действия – кто знает, вдруг да поможет?! Вдруг да не станет лорд орать и швыряться чем ни попадя?

Питеру исполнилось уже двенадцать, он был взрослый и точно знал, как ему повезло попасть к лорду Берриту в услужение. Сам он – второй сын безземельного рыцаря. Всего и имущества у семьи – дом каменный да огород здоровый. С того и живут. В неурожайный год голодом сидят, мясо – только в праздники. А в пост и вообще – овсянка на воде. Вроде как во славу Господа бога нашего, а на самом деле – потому что жрать нечего и кладовые полупустые. Старшему сыну, Салму, этот дом потом отойдёт. А ему, Питеру, и вообще надеяться не на что. Благо хоть, других детей лорд Фетенг и его леди не наплодили.

Так что и сытую жизнь, и относительно лёгкую службу Питер очень ценил. Глядишь, потом лорд Беррит и приставит к какому делу. Хорошо бы, конечно, войну! Вот уж тут бы Питер своего не упустил! Уж он бы! – Питер сладко зажму-

рился – и добычи бы набрал всякой разной, и матери бы на новое платье привёз ткани. Даже, может, на два платья! И на пьяного лорда не смотрел бы больше – свой бы дом купил! Вот так!

Питер обратил внимание, что Шанта, при пробуждении лорда стоявшая в дверях с корзиной, выскользнула в приоткрытую щель – должно, побежала леди Беррит докладывать, не иначе.

– От же зараза какая! – только и успел подумать Питер, как шевеление лорда на кровати снова привлекло его внимание.

Лорд усаживается, а госпожа молодая ему подушки под спину пихает.

Конечно, лорд не из самых худых, ясное дело. И богатый – аж страсть! И зря – редко обижает. Но как в запой уйдёт – хоть святых выноси! Пьёт и богохульствует, когда три дня, а когда и всю неделю. Тогда Питеру приходится не очень-то весело – прислуга прячется, на солдат своих лорд никогда не

орёт, а вот запустить в пажа чем попало – это завсегда пожалуйста, это мы – легко... Или заставляет песни петь военные. Ну, один-то раз почему не спеть, не потешить лорда? А ежели лорд не уснул – и второй раз можно. Но когда подряд одно и то же шесть, а то и восемь раз – тяжело, да и горло болит на утро. Петь же надо громко, с «ва-ду-шев-ле-ни-ем», как лорд говорит.

Это самое воодушевление представлялось Питеру всегда одинаково – красное пьяное лицо самого лорда, пытающегося своим бизоньим голосом орать, багровея от натуги ещё больше. Вздутые на лбу и шее вены, беспорядочные движения пустой руки по скатерти и ложка, уже погнутая от того, что лорд отбивает такт, молотя ей по столу.

Госпожа Ирина уже споила своему отцу почти всё, что находилось в кружке. Лорд сидел спокойно, пил большими глотками варево, периодически переводя дух и уже даже глаза открыл. А госпожа тихим голосом проговаривала:

– Вот, папенька, сейчас чуть передохнёте – да и обмоем вас. И бельё поменять вам нужно. Не дело это – на грязном спать. От этого сон у вас тяжёлый и беспокойный будет.

И этак все ласково, без слёз, без скандала, не суетясь...

Распахнулась дверь и в комнату ворвалась леди Беррит.

Странная она леди, конечно. Вроде уже не молоденькая, а как похмелиться лорду принесет – так завсегда огромный кувшин! Вроде и не понимает, что нельзя столько!

– О, дорогой мой, я представляю, как вам сейчас плохо! Вы просто разрываете мне сердце, когда так пренебрегаете своим здоровьем! Вот – леди указала на служанку, державшую в руках нагруженный поднос, – вот, я принесла вам вина, мой лорд, горячего и со специями! Я лично проследила, что кладут в котелок! Там всё, как вы любите – перец, корица, бадьян и красное вино. Сейчас мы поправим вам здоровье, мой дорогой.

Леди говорила мурлыкающим голосом, вскидывала и заламывала руки, прижимала к груди, а служанка уже подходила к «телу» со своим грузом.

– Я лично налью вам вина, мой лорд!

Лорд на некоторое время завис, ещё не понимая, хочет ли он просто полежать или стоит выпить вина, зато у Ирины Викторовны оторопь прошла мгновенно. Именно так действовала свекровь-покойница, ещё когда жила в своей деревне и они, молодые и влюблённые, ездили к ней в отпуск. Тогда она только робко просила у «мамы» не давать с утра столько. Потом-то, конечно, научилась справляться. А уж дома муж и вообще соблазнов таких не видел.

Так что, споро поднявшись с кровати, Ирина Викторовна «уступила» место при «папеньке» леди Беррит, а сама, даже особо и не прячась, подошла к служанке, взяла поднос и кинула на пол.

Получился большой «бэ-э-энц», от которого у присутствующих заложило уши. Медь и камень при встрече дают такой эффект. Служанка приоткрыла рот, но, посмотрев на Ирину Викторовну, снова захлопнула. Соображает, значит.

Конечно, так-то Ирина Викторовна – человек мягкий, хоть верёвки из неё вей. И скандалов пуще всего боится. Но не тогда, когда дело пьянки касается! Уж тут она на смерть биться будет! Всегда у неё понимание было – не держи она мужа «за горло» – спился бы ещё молодым.

– Что-то я, папенька, сегодня неловкая какая-то... Ну, да не беда, сейчас кликну Шанту, она и приберёт. Так-то мы уже всё помыли в комнате, обидно, конечно...

Леди Беррит, закусив губу, смотрела, как растекаются по полу, слегка паря, литра двапряного горячего вина, и понимала – конец! Запой, похоже, окончен. Это было очень некстати!

«Папенька», оттолкнув леди, слез, наконец-то, с кровати. К нему кинулся Питер, помог надеть странные туфли-башмаки, расширяющиеся к пальцам, похожие на лапу зверя, а не на удобную обувь.

– Вы бы, папенька, приказали ванную вам приготовить. А я вам ещё супчику вкусного налью, вам и станет сразу лучше.

Сам папенька, всё это время молчавший, только сипевший изредка да пытающийся прокашляться, буркнул:

– Ну, прикажи, что ли, ванную. Пусть греют. А я, пожалуй, ещё поем. Какой там у тебя суп?

Ирина Викторовна и сама бы сбегала и приказала. Да вот беда – куда бежать-то? Потому, напоминая себе, что она «принцесса», поманила Питера пальцем. И чего мальчишка прячется за балдахином? Услужил лорду – и опять туда. Даже странно. Но к ней вышел тут же.

– Питер, будь добр, проследи, чтобы начали греть воду и приготовили папеньке ванну.

Он только молча кивнул головой и выскочил за дверь. Папенька, в это время, уселся за чистый стол и чего-то ждал.

Служанка, так вовремя закрывшая рот, метнулась к расставленным на тумбочке в углу мискам и кувшинам, назна-

чение которых Ирина Викторовна не слишком поняла, когда отмывала. Вроде бы и не место этакому в спальне? Налила в одну из мисок воды и преподнесла лорду. Он пополоскал кончики пальцев, вытер руки о длинное полотенце, что висело на плече служанки и, сопя, уставился на молчавшую леди Беррит.

– Ну, долго ли ещё ждать?

– Сейчас-сейчас, мой лорд!

С леди, наконец-то, спала излишняя молчаливость, она что-то зашипела служанке, которая выскочила из комнаты просто бегом.

– Сейчас, мой лорд, вам принесут приличную посуду и...

– Ирэн! Суп где?!

Чиниться Ирэн не стала – подвинула «папеньке» чистую глиняную миску, в которой раньше разбирала мясо и голень и, прихватив тряпкой котелок, щедро плеснула густого варе-

ва.

Папенька понюхал, зажмурился от удовольствия и, полностью пренебрегая ложкой, отхлебнул суп через край. Выпил весь бульон, довольно крякнул и захватив пальцами рубленого мяса отправил всю кучу в рот. Потом, правда, решил, что ложкой будет сподручнее...

Ирина Викторовна стояла и наблюдала процесс поедания супа с удивлением. «Папенька» тут самый главный, это понятно, и, видать, не бедный он – вон какой домина и слуг сколько! А руки жирные вытер прямо об те суконные штаны, что на нём надеты!

Леди Беррит вон тоже к столу подсела и вообще, не стесняясь, руками из тарелки таскает кусочки мяса. Ну, она хоть об платье своё не вытирается. Дикие они какие-то все, аж жалко людей!

Самой Ирине Викторовне, что характерно, присесть никто не предложил – дикари, как есть – дикари!

Впрочем, особого желания сидеть с ними у нее и не возникло. Напротив, понимая что «папенька» из запоя вышел, она размышляла, как бы ей попасть в свою комнату – сама-то не найдет среди этих лестниц и залов.

Тем временем папенька, сыто отдуваясь, откинулся на спинку стула и спросил:

– А что ты тут делаешь, Ирэн?

Этот вопрос вызвал необыкновенное оживление леди Беррит.

– Мой лорд, вы просто забыли! Вы вызвали вашу дочь затем, чтобы наказать её! Она была крайне непочтительна со мной, назвала меня госпожой Беррит, представляете? Я хочу, чтобы вы примерно наказали её за дерзость! Вы же не откажете мне в такой малости?!

Ирина Викторовна молчала, не зная, как правильно ска-

зять, лорд тоже молчал, а леди Беррит заливалась:

— ... и на глазах всех слуг так унизила! Я просто не понимаю, как она могла, ведь я практически заменила им мать! Я пришла проведать её, узнать, как самочувствие после того падения! Более того, мой лорд, она и вас ухитрилась оскорбить! Понимаете? Прямо так и заявила: «Знать не знаю никакого лорда Беррита!».

Отец перевёл тяжёлый взгляд на госпожу Ирэн.

— Папенька, мне странно говорить об этом, но я действительно плохо помню всё. У меня на затылке огромная шишка и рана. Возможно, что-то я повредила в голове. Там засохшая кровь, а я даже не знаю, как и где упала. И имена слуг забыла.

Папенька слушал эту неуверенную речь и сопел, ничего не говоря. Возможно — обдумывал. Наконец, заворочался в кресле, как медведь спросонья, и спросил:

– Миранда, откуда у Ирэн рана на голове?

– Она упала с лестницы, мой лорд, ничего серьёзного там нет, лекарь смотрел её. Сказал – завтра очнётся. Она же и очнулась!

– Миранда, а почему лекарь не промыл её рану? Почему этого не сделала ты? Где твои чёртовы девки, что шьют и портят ткани целыми днями?! Ты не могла отправить хоть одну из них, чтобы дочь лорда Беррита была под присмотром?!

– Мой лорд, но с ней всё время была Анги!

Кулак лорда хряпнул по столу и наступила тишина...

Леди Беррит прижала руку к сердцу, но рот открывать больше не рисковала.

Лорд злобно попыхтел и заговорил:

– Миранда, ты – дура! Я подписал брачное соглашение!

Через две недели приедут женихи! А она даже не помнит имени рода! Ты окончательно ополоумела и заигралась! Пошла вон, и не смей выходить из своих покоев!

– Мой лорд, но я...

– Во-о-он!

Леди вымелась из покоев мужа почти бегом, а растерявшаяся Ирина Викторовна осталась. Очень слабо представляя, что нужно делать сейчас.

Глава 5

Лорд сопел и злился, Ирина Викторовна так и стояла перед столом, опасаясь даже переминуться с ноги на ногу, хотя и натопталась за целый день с уборкой так, что ныла поясница и ломило плечи.

И всё же... Всё же не та это усталость, что была раньше. Молодое тело давало восхитительное чувство силы. Абсолютно понятно было, что если полежать минут тридцать, то можно снова вскакивать и работать дальше. Нет больше тянущей душу усталости и неловкости, понимания, что вот это ты ещё можешь сделать, а вот на это уже и сил не хватит. А особенное удовольствие доставляло новое, совершенно замечательное зрение. Видеть каждую мелочь, буквально – песчинку на полу и ниточку в полотенце – прекрасно! Кажется, мир вокруг неё сбросил мутную пелену и нарисовался заново. Свежими и чистыми красками.

– Ирэн! – папенька рявкнул так, что Ирина Викторовна вздрогнула от неожиданности – Ирэн, сядь!

Поискав глазами место, Ирина нашла только одно – свободный стул леди Беррит. На него и присела, робко, на самый краешек, в процессе постаравшись отодвинуть его от папеньки максимально далеко. И сделать это – максимально незаметно. Побавивалась она его, что уж тут...

Мужик посмотрел на неё воспаленными глазами, потёр мощной лапой грудь в вырезе грязной рубахи, чуть сморщившись при этом, и спросил:

– Что у тебя с головой?

Ирина Викторовна потупилась и попыталась объяснить:

– Я, папенька, видать, стукнулась сильно. Когда вижу человека и мне говорят, кто это, тогда, вроде как, узнаю... Как очнулась, сперва даже испугалась сестры – показалась незнакомой она. А заговорила – я и вспомнила... Анги тоже не сразу узнала, только когда по имени её назвали. А если только имя слышу – то не знаю, как человек выглядит. Мне бы человека приставить, который всё покажет и расскажет. А там, бог даст, я и вспомню остальное.

– А меня ты как узнала?

– Сразу же, папенька! Как увидела – так и узнала! – Ирина преданно посмотрела в глаза лорду – А вот когда леди Беррит вас по имени назвала – не поняла, про кого она говорит. А она не стала разбираться, а побежала вам жаловаться. Зато, как меня привели к вам – так я вас, слава богу, и вспомнила, вы же мой папенька!

Отец глядел на неё с некоторым недоумением. Очевидно, с похмелья он всё же соображал не лучшим образом, а сама Ирина не представляла, как ему ещё раз подсказать, что ей нужен сопровождающий, который покажет замок и всё объяснит и назовёт. Как ему, такому... горластому, страшному, вообще люди перечат?! Или с ним никто и спорить не рискует?

Дверь отворилась и Питер, робко заглянувший сперва в щёлочку, довольно уверенно встал в дверях и провозгласил:

– Ванна для лорда Беррита готова!

«Это что ж они этак пафосно про самые обычные вещи объявляют?!» – недоумевала Ирина.

На лице лорда же, в то же время, нарисовалось облегчение. Кажется, он принял решение.

– Питер, до приезда жениха ты будешь прислуживать госпоже Ирэн! Будешь отвечать на все её вопросы. И смотри мне – лорд погрозил мальчишке сосискообразным пальцем – проболтаешься – прикажу выпороть на конюшне!

Потом ещё с минуту попыхтел и добавил:

– И выгоню к чертям!

Питер, похоже, не сразу осознал, к добру или худу такие перемены, но и возражать не осмелился. Только вопросительно уставился на Ирэн. А та, от облегчения, машинально перекрестилась. Папенька, всё это время смотревший на неё, наконец-то чуть смягчился:

– Ну, хоть о Господе боге нашем помнишь, уже хорошо... И ты, это... С отцом Карпием сильно не болтай! Мало ли, что он там себе придумает...

Кто такой отец Карпий Ирина представляла себе плохо, хотя, если подумать... «Отец» – священник местный, что ли? А если леди Беррит ему наболтает?! Кроме неё ведь никто и не знает, что у Ирины с памятью плохо.

– Папенька, а если ему леди Беррит...

– Язык вырву! – рыкнул лорд. Тяжело опираясь на подлокотники, встал с кресла и приказал: – Питер, кликни ко мне леди... И идите уже оба отсюда, надоели...

Леди Беррит, получив от Питера приглашение посетить мужа, вздохнула и отправилась к его покоям в сопровождении служанки, а Питер, глядя ей в след, спросил:

– Теперь куда, госпожа Ирэн?

Ирина задумалась. Очень хотелось в туалет. Хотелось есть и пить. Хотелось хоть немного побыть одной и подумать, но туалет – важнее.

– Питер, где у вас дамская комната?

– Какая комната? – Питер вытаращил глаза на странно говорящую девушку.

– Ну... такое место, куда люди ходят... Ну, как ты не понимаешь!

Ирина была почти в отчаяние. Лучше бы к ней Шанту приставили, всё же она женщина. Говорить о таком с мальчишкой – неудобно. А если у неё лунные дни начнутся?! Да и вообще... С девушкой – проще. Но тут, глядя на переминаящуюся и смущённую госпожу, Питер и сам додумался.

– Вам, госпожа Ирэн, в гардеробную комнату нужно?

– Да нет, же, Питер... Мне нужно в комнату, где можно...

– Ирина, наконец-то, подобрала слово – можно облегчиться!

– Ну, так гардеробная и есть!

При этом оба смотрели друг на друга с недоумением. Наконец, Питер решился:

– Следуйте за мной, госпожа Ирэн.

Место, куда он привёл Ирину, было странным. Даже очень странным! Запах сбивал с ног ещё на подходе, и Ирина поняла, что это и есть туалет. Питер открыл для неё тяжёлую дверь, за которой оказалась ещё одна, точно такая же.

– Вот, сюда надо? – мальчик смотрел вопросительно.

Ирина порозовела, кивнула ему – подожди, мол, и толкнула вторую дверь. Комната была не так и мала, примерно четыре на четыре метра, ну, может чуть меньше. Деревянная крышка подсказала ей, где именно расположено искомое. Станным ей показались две вещи. Во-первых, находи-

лись они на третьем или четвёртом этаже, значит все отходы должны лететь до самого низу?! Во-вторых, стены туалетной комнаты были в несколько слоёв увешаны разнообразной одеждой, мужской и женской. Понятно, почему Питер назвал комнату гардеробом, но вот зачем хранить одежду в столь вонючем месте?!

Вместо туалетной бумаги она нашла висящую рядом с отхожим местом корзину, наполненную кусками мха. Ну, выбора не было всё равно...

Питер, увидев, что госпожа выходит из нужника, подскочил и, глядя в глаза, спросил:

– Что теперь, госпожа Ирэн?

– Питер, я бы хотела помыть руки.

– Умыться?!

Ирина вздохнула и согласно кивнула головой:

– Да, Питер, умыться.

Секунду подумав, Питер потащил её по коридорам, не забыв прихватить из стоящей на полу корзины готовый факел и подпалить его от одного из тех, что сейчас горели в коридоре. Довёл он Ирину до той самой комнаты, где она очнулась утром, распахнул перед ней дверь и провозгласил:

– Госпожа Ирэн!

Чувствуя некий идиотизм ситуации, Ирина вошла в комнату, где находилось в это время человек шесть или семь и застыла, не слишком понимая, что именно нужно делать. Зато Питер, похоже, прекрасно знал и ни сколь не смутился:

– Анги, госпожа Ирэн желает умыться! – всё это он, очевидно по привычке, произнес, а точнее – провозгласил, весьма громко и уверенно, так, что теперь на них смотрели все обитатели комнаты.

Первой очуталась Анги. Подхватив под локоток госпожу, она потащила её в угол комнаты, за высокую трёхстворчатую ширму, где на небольшом столике стояли два кувшина с водой и пара мисок. В одну из них она и плеснула воды, подхватила со стены одно из полотенец и замерла, ожидая, когда госпоже оно понадобится. Ирина брезгливо посмотрела в миску, со следами чего-то серого по краям. Явно, после каждого умывания воду просто выплёскивали, но посудину мыть не удосуживались. Внутренне содрогаясь, пополоскала кисти в воде, вытерла полотенцем, что подсунула ей Анги и вышла из-за ширмы.

В это время «сестра», та самая шатенка, что спала с ней утром в одной кровати, приступила к допросу Питера:

– Ты так и будешь здесь торчать?

– Это приказ лорда Беррита, госпожа Сания.

– Что?! Он так и приказал, что ты будешь у нас жить?!

– Нет, прекрасная госпожа Сания, он приказал, чтобы до приезда жениха я везде сопровождал госпожу Ирэн.

– Это ещё зачем? – Сания гневно посмотрела на вышедшую из-за ширмы Ирэн. – За что это тебе такая честь?!

Ирина сочла нужным пояснить:

– Лорд Беррит приказал Питеру следовать за мной потому, что я плохо себя чувствую. А скоро женихи приедут наши, сама же знаешь...

После этого, твёрдо взяв Питера за плечо, вывела его из комнаты и сказала:

– Питер, нам срочно нужно поговорить. Так, чтобы не мешали. Подумай, мальчик, где это можно сделать?

Глава 6

Питер каким-то привычным жестом почесал затылок, изрядно растрепав свои кудри, а потом спросил:

– Может, госпожа Ирэн, в часовне посидим? Отец Карпий-то уже того... С утра ещё начал, – он абсолютно недвусмысленно шлёпнул по горлу двумя пальцами – так что и не придёт сегодня больше, сами знаете.

Ирина согласно кивнула головой. Освещая ей путь факелом, Питер долго бродил по коридорам и лестницам и, наконец, привел её к тяжёлым двойным дверям с резными крестами на створках. Внутри было темно, сухо и прохладно, в два высоких узких окна заглядывала темнота, еле разгоняемая крошечными огоньками трёх лампадок возле икон. Специфический запах ладана, воска, ещё чего-то, не слишком понятного, но связанного в памяти Ирины Викторовны именно с церковной службой.

От входной дверей, налево и направо, стояло по четыре широких скамьи. У передней, самой удобной, со спинкой и

подушечками на сидении, он остановился и, показав Ирине рукой, что сесть нужно сюда, закрепил факел в кольцо на белой стене. Садиться сам не стал, стоял и смотрел на госпожу, ожидая приказаний.

– Садись, Питер. Долго говорить – устанешь стоять.

На скамью мальчишка не сел, выдвинул из-под неё небольшую табуретку и устроился у ног Ирэн, вопросительно поглядывая на неё.

– Питер, ты слышал, о чём я говорила с лордом Берритом? – называть мужика папенькой без нужды Ирина не хотела. Как-то уж слишком нарочито звучит, непривычно ей.

Питер помялся-помялся, потом, всё же, сознался:

– За дверями я стоял, ждал, пока говорить закончите...

– Значит, слышал и понял.

– Да не очень, госпожа Ирэн. Вроде как, головой вы треснулись? И от этого всё забыли?

– Да, так и есть.

– Но ведь меня-то узнали! – и потыкал пальцем себе в тощую грудь.

– Питер, я тебя узнала, когда лорд назвал. А сама – так не могу вспомнить. Поэтому лорд Беррит и приказал, чтобы ты всё время был при мне и тихонько подсказывал, кто и что. И на вопросы отвечал. И, упаси бог, никому об этом не говори! Иначе – сам помнишь, чем лорд грозился – выпорют тебя...

Думал Питер не слишком долго. Всяко, эта работа будет и ещё полегче, чем у лорда. Так-то, с девками, хоть и высоко-родными – проще, чем с пьяным хозяином. Ну, а на вопросы ответить – и вообще не сложно. Пущай спрашивает, ежели чего забыла. Но первый же вопрос ввёл его в ступор:

– Питер, почему в гардеробе на стенах одежда висит? Там же пахнет дурно очень.

Питер подозрительно уставился на госпожу Ирэн. Смеется она, что ли?! Да нет, лицо вроде обычное, серьёзное... А так-то, если разобраться – какая ему, Питеру, разница, что госпожа спрашивает? Может она и правда, как дурочка теперь?! Хотя и не слишком похожа на юродивую Фимку, но кто знает... Но госпожа Ирэн сидела тихо, в голове не копалась, вшей не искала, не хихикала страшным голосом, да и ущипнуть его не пыталась. Проще уж объяснить, что она там спрашивать будет, чем думать разное...

Одежду в гардеробе хранят для избавления от моли и блох. Потом, конечно, её проветривают, перед тем как надевать. И ничего она не воняет! Все так делают, и его, Питера, матушка – тоже так платья бережёт. Только у неё мало что висит в гардеробной – одежда больших денег стоит.

Госпожой можно звать только незамужнюю женщину, а ежели замужем дама за владетельным лордом, то следует ей говорить – леди. Владетельный лорд – это тот, который имеет и земли, и крестьян, и свой замок. Ежели замком владеет вдова лорда, то про неё говорят – леди, в полных своих правах. Ну или просто – леди в праве. А дочь – она просто госпожа, пока замуж не выйдет.

За кого выйдут госпожа Ирэн и госпожа Сания – знает только лорд Беррит. Он, так-то, очень сильно доволен браком. Даже гордится и говорит, что: «Удачно девок пристроил!». Нет-нет, госпожа Ирэн, я-то, конечно, не посмею вас и госпожу Санию девками обозвать! Это лорд мой так говорит! А ещё говорит, что мужья у вас – владетельные лорды будут. Владетельный – это когда земля своя есть и дом большой или, там, замок, например. Ещё какие бывают? Да всякие! Вот у него, у Питера, отец просто лорд. Замка нет своего и крестьян нет, а из земли – только огород. Но он – тоже лорд! Только не пэр. Иначе бы Питера и не взяли в услужение!

Тут Ирина Викторовна сделала маленькую паузу в расспросах. Пусть в голове хоть что-то отложится. Главное она уже поняла – кто богат, тот и владетельный лорд. Значит, её муж будет богатым.

Сейчас на улице зима и конец месяца дженуария, потому так и темнеет рано. Страна наша зовётся – Англитания, а правит король – Эдуард V. Его ещё в народе зовут Красавчик. Сказывают, что красивый очень и храбрый.

Леди Беррит третья жена лорда. От первой у него госпожа Сания, от второго – вот вы, госпожа Ирэн, а леди Беррит ему сыновей родила. Один пять, вроде, лет назад появился. Только он помер, до года не дожил. Говорят – слабый очень был. Так она ещё одного родила. Сейчас ему полтора года. И зовут его лорд Андре Беррит. Питер тогда ещё дома жил, как он родился, потому подробностей и не знает, но и так понятно, что быть ему владетельным лордом и пэром.

Пэр? Ну, это, госпожа Ирэн, совсем просто! Пэров в стране семьсот семьдесят семь. Сами знаете – божье число! И батюшка ваш – пэр. Он каждый год в столицу ездит по осени и там его сам король принимает! Этой осенью, должно быть, и пажа туда возьмут! Вот там он всё-всё рассмотрит! Но, конечно, пэром быть – очень дорого!

Отец Карпий – противный очень. Как из запоя выйдет, со злости на всех ептимью накладывает. Один раз всем повезло, со злости наказал он лорду Берриту вина не пить аж три месяца! Так-то бы и всегда! Ну, больше так не везло. Какую обычно накладывает? По-разному. Вот Питеру обычно земные поклоны достаются. Один раз аж двести пятьдесят отбил – шишка на лбу была и колени болели. Ну, нет, конечно, до стольки-то Питер считать не умеет, но очень-очень мно-

го. А вам обычно – «Отче наш» читать или, например, «Богородице, дево, радуйся». Раз пятьдесят подряд... И вовсе не для благочестия он так, а просто, со злости! И ещё всегда норовит за ухо схватить и выпрашивать разное. А я, вот крест святой, в жизни не воровал у лорда! Я даже почти не подслушиваю, что говорят они с леди. Вот крест святой!

А госпожа Сания, она такая... Ну, себе на уме, вот какая. Так про неё отец Карпий говорит! Она и не спорит никогда с ним, и на исповедь ходит, и всё, что положено делает, а вот не любит он её. А вас – любит! Говорит, что вы, госпожа, сердцем чистая и умом скудная, как высокородной деве и подобает!

При словах – «умом скудная» – Ирина Викторовна поморщилась. Так ей и муж покойный несколько раз говаривал. Особенно, когда рыжую свою завёл. Уж потом, после смерти, поняла Ирина Викторовна, что насмехался он. Да как бы она могла подумать-то так худо про него?! Чай, не чужой человек, считай – жизнь бок о бок прожили. Не мальчик уже был... Из всего, что было – вот эта вот насмешка, пожалуй, и была самой непростительной. Пусть она, Ирина, и наивная, и даже доверчивая дурочка в чём-то, а смеяться и пользоваться таким – мерзко. Предательство это, вот что. Только

сейчас, находясь неясно где и ещё не слишком понимая, как тут выживать, она вдруг ощутила, как ворохнулась в груди жгучая... Нет, не обида. Горечь... И понимание, что не стоил её забот покойный Андрей. Первый раз так подумала и испугалась...

На самом деле, очень страшно в конце жизни осознать, что всю её, эту самую жизнь, ты принесла на алтарь человеку, который тобой просто пользовался. Мысль эту Ирина Викторовна попыталась отогнать подальше, но преуспела в этом не слишком. Вцепившись клещом, она всплывала поверх всех остальных, гораздо более нужных и важных сейчас – «Как выжить в этом непонятном мире?», «Как не обнаружить своё незнание самых простых вещей?», «Как вообще такое могло получиться?!». Машинально махнув рукой Питеру, чтобы помолчал, Ирина Викторовна расплакалась...

Расплакалась так, как на похоронах мужа не рыдала...

Растерянный Питер, вскочив с табуретки, неловко топтался рядом, боясь коснуться руки – не дай бог, госпожа оскорбится! Что делать с рыдающей девушкой, он не знал совершенно. А потом вспомнил, как поучал старшего брата отец,

когда его дочка мельника отшила:

– Баба, сынок, хоть какая, а всегда про красоту свою помнит. Ежели ты ей, скажем там, колечко подаришь, то она, конечно, посмотрит на тебя благосклонно. Только в другой раз уже серёжки потребует! Так что лучше и не начинай, дурное это дело! И то сказать, она – селянка простая. Ей за счастье должно быть, что на неё рыцарский сын посмотрел, а она – кочевряжится. Ищи другую, пусть сама тебе в глаза заглядывает. А ты только говори, какая она раскрасавица, да как ты на неё любишься всегда. Тут-то ни одна не устоит!

– Госпожа Ирэн, у вас вон и глаза уже покраснели! Этак вы от слёз подурнеете совсем. Посмотрели бы сейчас на себя!

Госпожа неловко размазала слёзы по лицу рукавом, посмотрела на Питера припухшими глазами и спросила:

– Питер, а где есть зеркало?

Ну вот, теперь-то, конечно, она успокоилась – подурнеть они все страшно боятся. Только вот где он ей зеркало-то возьмёт?! Питер привычно поскрёб затылок и сказал:

– Ежели только к леди Беррит прогуляться? Может – пустит?

В покоях леди не было, зато в нише у входа, под двумя факелами, ярко горящими на стене, сидела женщина лет сорока и что-то сшивала из двух кусков ткани – фиолетовой и красной. Не понять, очередной безумный туалет леди Беррит или лорду шьёт? Впрочем, Питеру было всё равно.

– Нерка, где леди Беррит? Госпоже Ирэн она надобна. Срочно надобна! – Питер был деловит и настойчив.

– Дак ужинает в покоях лорда... – Нерка отложила шитьё, встала и поклонилась Ирэн.

В замках туалет назывался просто и изысканно – гарде-

роб. Почему это слово нынче используется в ином значении? В туалетах-гардеробах вельможи хранили свою одежду, подвешивая на крюках под потолком. Это делалось не из-за нехватки полезных площадей, а, как ни странно, с гигиеническими целями.

Во-первых, в гардеробах всегда гуляли сквозняки, проветривая камзолы, мантии и рубахи, а во-вторых, в этих помещениях всегда царил аммиачный смрад, который знатно отпугивал насекомых-паразитов.

После такой «дезинфекции» одежду проветривали просто на воздухе. Считалось, что это всё заменяет стирку.

Глава 7

Ирэн и Питер переглянулись, стоя на пороге покоев. Идти к лорду не хотелось ни ему, ни ей.

– Нерка, пусть госпожа в зеркало посмотрится? Что-то ей соринка в глаз попала, а я не вижу.

– Думаю, нет греха в таком... Пущай смотрится.

Питер слегка подтолкнул госпожу Ирэн, и она весьма неуверенно зашла в большую комнату.

Здесь пахло чем-то удушающе сладким, пылью, жжёным волосом и свежей выпечкой. Хотелось открыть окно и проветрить. Большая кровать под бархатным бордовым балдахинном стояла вплотную к стене. Такой же бархатной скатертью застелен огромный стол. На нём узкогорлый кувшин, два металлических начищенных кубка и огромная тарелка, прикрытая полусферой блестящей крышки. У одной из стен – громадный сундук с блестящими уголками, ещё два в ряд – поменьше. А у стены напротив – что-то вроде плоского шка-

фа. Туда Питер и направился. Ирэн шла следом, не слишком понимая, где же зеркало.

Питер распахнул створки шкафа и повыше поднял свой факел. Там, в шкафу, пряталось большое зеркало. Ирэн смотрела на себя в первый раз, неуверенно трогая лицо и потягивая прядь выбившихся волос.

Совсем молодая, лет семнадцать, не больше. Тусклые русые волосы, похоже – просто очень грязные и засаленные. Прямой ровный нос, обычные зеленоватые глаза, темные ресницы и брови. Небольшие чёткие губы, сочные, молодые, без морщин вокруг рта и глубоких носогубных складок. На лбу – немного мелких прыщей. Ай, гадость какая! Ирэн нервно провела по лицу – скорее всего, просто от грязи! Ну, ничего-ничего...

В целом-то – совершенно обычная девушка. Не лучше и не хуже, чем, например, Ирина Викторовна была в молодости. Может даже симпатичнее. Худая только очень. Моду на тощих моделей она никогда не понимала.

Платье больно замурзанное. Постирать бы стоило, конечно. Завела руку за спину, стянула платье – вот и фигурка вполне даже хорошая. Талия тонкая, грудь – между двоечкой и троечкой. И бёдра – хоть сейчас рожай!

Боже мой! Ведь весь день даже не подумала об этом! А на самом деле – она снова молодая! И, возможно, даже ребёночка ещё родит! И бог даст – муж хороший будет! И всё-всё у неё наладится! Экое счастье-то, на самом деле – начать жизнь с нуля и избежать всех-всех ошибок!

Глаза невольно наполнились слезами под укоризненные слова Питера:

– Ну вот, опять!

Госпожа Ирэн решительно вытерла слезу рукавом и сказала:

– Пойдем, Питер, я очень хочу есть! – а про себя подумала: «Всё теперь будет по-другому, всё!».

В комнате, где её дожидалась сестра, Ирэн, наконец-то, рассмотрела всех присутствующих. Пока ела – так и стреляла по сторонам глазами.

Две тётки, хотя они тут все непонятного возраста, но эти, пожалуй, постарше остальных, лет по сорок. Сидят под факелом, возле высокой рамы, напоминающей мольберт художника. Только вместо картины там закреплён огромный кусок ткани. Края его свешиваются на колени тёткам, и они что-то вышивают, каждая свой угол. А там, где должна быть картина, середина уже вышита ярким золотистым люрексом. Геометрическая какая-то фигня, на крест похоже. Надо будет уточнить у Питера, как зовут женщин.

Ещё одна молодая девушка – Линта, как назвала её сестра, что-то непонятное делает в том углу, где спит прислуга. То ли зашивает что-то, то ли – наоборот, распускает. Темно в том углу и не рассмотришь нормально. Линта эта –личная прислуга госпожи Сании, это уже Ирэн и сама догадалась. А у неё, у Ирэн, есть своя – Анги. Похоже, как у всех принцесс-попаданок есть преданная горничная, так и у неё, Ирэн, тоже есть. Надо только разобраться, что она за человек,

эта горничная. А то в одной книге была она подосланной от мачехи и пакостила героине.

Возможно, рассуждения Ирины Викторовны и отличались некоторой наивностью, но она, в целом, рассуждала здраво и по-доброму, так, как её учили в своё время в пионерском детстве. Нельзя в человеке сразу врага видеть и недоверием обижать не стоит, но присмотреться нужно.

Сама госпожа Сания закончила ужин ещё до прихода Ирэн и Питера в комнату и сейчас сидит за этим же большим столом, только с торца. Перед ней, закрывая её от глаз Ирэн, стоит довольно большой ларец с откинутой крышкой. Из-за крышки Ирэн и не видно, что она там делает.

А Анги стоит прямо за спинкой её кресла и прислуживает ей. Сперва-то Ирэн хотела её отогнать, но потом решила не перечить – тут все лучше неё знают, как правильно себя вести. «Так что просто смотрю и привыкаю» —скомандовала она сама себе. Хотя, конечно, глупо это – ну что, разве Ирэн сама не подвинет себе тарелку или хлеба не отрежет? Да и руки Анги мыла, судя по всему, давненько.

Ирэн нахмурилась – местные понятия о чистоте её нервировали.

В комнату зашла ещё одна женщина, крепкая и низкорослая, она с трудом тащила на ремне, перекинутом через плечо, огромную корзину с крупными поленьями. Подкинула сразу два в камин и села передохнуть.

– Борка, на ночь не забудь ещё принести. А то будет, как этой ночью, холодина снова... – Сания приказывала, даже не поднимая голову от своего ларца.

Из еды ей предложили довольно мягкий белый хлеб, миску странной похлёбки, хорошо хоть, что горячий. Тут надо Анги спасибо сказать. Пока Ирэн по своим делам бродила, девушка котелок пристроила возле огня. Потому подмёрзшая и усталая Ирэн и наслаждается сейчас горячим варевом.

В похлёбке – кусочки мяса, непонятный сладковатый овощ крупными ломтиками, что-то нарезано плоскими небольшими кругами – по цвету похожее на не слишком яр-

кую свёклу, а по вкусу – больше на морковь* варёную. Вот только цвет у овоща неприятный... Ещё там было что-то непонятное, добавленное, похоже, для густоты**. Сушёная травка – укроп, вроде бы, и изрядное количество перца. Но есть Ирэн хотелось так, что рассматривать она ничего не стала – работала ложкой. Второе блюдо было представлено половиной жареной курицы. Жестковатой и злобно-перчёной. Отщипнув кусочек, Ирэн решила, что и так сыта.

Десерт лежал отдельно. Анги убрала миску из-под супа, просто сдвинув её на середину стола, где уже стояли грязные тарелки, и подвинула Ирэн круглый медный поднос. На подносе перед ней – надрезанная головка очень вкусного и мягкого сыра. Плетёная косичкой сдобная булка, ещё даже тёплая. В горшочке дожидался мёд, хоть и засахаренный уже, но тоже вкусный. А больше всего порадовала огромная груша. С грубой, пятнистой шкурой, но потрясающе сочной, маслянистой мякотью. К ней прилагалась большая двузубая вилка. Покрутив её в пальцах, Ирэн отложила грушу и подозвала к себе Питера. Он всё это время сидел на совсем низкой скамеечке у самого входа в комнату.

– Питер, вилка зачем нужна? – спрашивала шёпотом, чтобы никто не услышал. Анги-то, конечно, слышит, но делает

вид, что ей вовсе не интересно.

Сообразив, что лучше говорить потише, мальчишка наклонился к её уху и, смешно посапывая, начал обучать:

– Вы, госпожа Ирэн, грушу-то на вилку насадите. Во-о-от... А теперь вон тот нож малый возьмите и шкурку тоненько срежьте... да не так! В другую руку нож-то... во-о-от! А теперь грушу кусайте... Ну, конечно, неудобно, зато пальцы чистые останутся... да, течёт по подбородку-то, конечно... и по вилке течёт, но так принято! Да не я это придумал, этак все высокородные едят!

Груша, не выдержав издевательств, сорвалась с вилки и шлёпнулась на колени Ирэн...

Сания захлопнула наконец крышку ларца, повозилась и закрыла его на ключик. А ключик прикрепила к небольшой связке у себя на поясе.

– Линта, на место убери! – скомандовала, а не попросила

она.

Линта, немедленно бросив своё дело, подошла к ларцу и, с некоторым трудом подхватив его на вытянутые руки, пошла рядом с госпожой Санией. В углу, не замеченными ранее госпожой Ирэн, стояли два длинных расписных сундука. Одним из ключей со своей связки сестра открыла правый, тот, что был украшен зелёными и чёрными полосами орнамента. Линта поставила туда ларец, и госпожа закрыла сундук на здоровый навесной замок.

Второй сундук невольно приковал внимание Ирэн. По логике, принадлежать он должен именно ей. В похожем сундуке, только поменьше и попроще, когда-то, в деревенском доме своей бабушки, она видела всякие интересные штуки. Там бабуля хранила своё добро. И она же рассказывала, что с этим сундуком она и пришла в дом мужа.

– Приданое у меня было по тем временам голодным – богатое, Ирочка. И ситцы даже разные, и шёлковое платье, и бельё постельное. Да уж маменька-то покойница собрала меня любовно, земля ей пухом...

Певучий голос бабули зазвучал в голове, как живой...

Задумавшись и погрузившись в тёплые воспоминания, Ирэн выпустила из внимания то, что произошло с остатками еды на столе.

На медный поднос Анги поставила горшочек с мёдом, положила половину несъеденной булки и прикрыла его высокой полусферической крышкой, такой же, как и та, что Ирэн видела в покоях леди Беррит. А вот половина курицы, груша, так и не доеденная Ирэн, белый хлеб и остатки похлёбки в котелке, не слишком и большие остатки, надо сказать, унесены были в угол комнаты, тот самый, очень скудно освещённый. До сих пор Ирэн не могла рассмотреть, что там за холмы и бугры на полу.

Вся прислуга в комнате, включая Питера, подтянулась туда. И сорокалетние женщины вышивальщицы, шустро бросив работу, поспешили подойти к этому сборищу. Линта подняла с пола корзину, вытащила из неё несколько непонятных, но очень похожих на половинки бурых мячиков предметов, и раздала всем слугам. Она же, взяв котелок с остат-

ками похлёбки, вылила по две-три ложки в каждую протянутую ей половинку. А потом все расселись кружком, кто на тех самых тёмных буграх, кто на низких скамеечках, и начали кусать эти самые половинки.

Ирэн заинтересовалась и медленно, будто бы невзначай, прошла к странному сбору, встав так, чтобы не заслонять свет камина. На полу лежало что-то вроде огромного деревянного настила с толстым слоем соломы и некоторым количеством истрёпанных шкур. Именно они и казались в полумраке тёмными буграми.

Слуги ели. Половинки мячей оказались небольшими булочками чёрного хлеба, из которых вынули мякиш. Отрывая верхнюю корочку, они макали её внутрь, в остатки похлёбки, и ели. Некоторые уже догрызали дно. Курицу поделили между собой не слишком справедливо. Большую часть получили Линта и Анги, меньшую – вышивальщицы. Питеру не дали ничего, так же, как и уставшей Борке. Огрызок груши так же поделили между собой личные горничные.

Глава 8

Первые ночёвки в замке Ирэн не любила вспоминать даже много лет спустя.

Грязная сама и грязная сорочка, пропотевшее и, местами, на локтях и подоле, лоснящееся от жира суконное платье. Ей казалось, если его поставить, оно даже не упадёт, а так и застынет нелепым манекеном, где поставили. И холод. Нет, не мороз, но вечное ощущение прохлады из-за гуляющих по комнатам сквозняков, зябкость и, одновременно, неприятная спёртость воздуха.

Заметив, что Питер улёгся в общую кучу на солому и скрутился в жалкий комочек, Ирэн не выдержала. Сняла с себя одну из шкур, встала с кровати, под удивленным взглядом Сании, и накрыла мальчишку. У самой остались ещё три пахучих, но всё же тёплых овчины. Они без конца разъезжались, и прохладный воздух пробирался в тёплый кокон со всех щёлочек. Не спасал даже полыхавший всю ночь камин. Злясь и задаваясь вопросами, почему нет нормального одеяла, почему, бес их всех покусай, нельзя сшить эти шкуры в один плед, а не мучаться, подтягивая всю ночь на себя от-

дельные куски, она, наконец, уснула.

Утром Ирэн встала злая, как шершень, не отдохнувшая, и с больной головой. Молча раздражённо оделась. Анги деревянным гребнем расчесала ей волосы и сплела толстую косу. Встала на колени и помогла натянуть на ноги тёплые чуни.

Непререкаемым тоном отправила Анги мыть миску до блеска, умылась. Сания молча наблюдала за ней, очевидно, что-то там себе прикидывая. Возможно, вопросы на тему – что с сестрой творится?! Съела овсянку, сдоблив её сливками и мёдом, и строго проследила, чтобы Питер получил свою долю еды. Ему же отдала и половинку сдобной булки с изюмом. Пока повеселевший паж лопал лакомство под ревнивым взглядом Анги, Ирэн, наконец-то, составила некий план действий. Уж какая-бы она принцесса тут не была, а в приданое всяко положили иголки и нитки.

– Анги, где ключи от моего сундука?

– Вот, госпожа, вчера вы так и не спросили про пояс...
– Анги порылась в её кровати, где-то под матрасом, и вытащила коричневый кожаный ремень с несколькими маленькими медными бляшками. Ирэн опоясалась и отвязала один

из ключей, которые, как и у сестры, крепились каждый на своём шнурке.

Долго ковыряться в сундуке Ирэн не пришлось. Внутри он был разделён на две части тонкой перегородкой. Сверху какой-то мягкой рухляди лежал довольно большой мешочек с яркой вышивкой. В нём и нашлось искомое – иголки, довольно большие и с крупными ушками, клубочки толстых ниток и палочки, похоже заменявшие здесь катушки – на них были намотаны яркие шёлковые нити хорошего качества.

Там же были несколько неуклюжие ножницы, шило, большое деревянное яйцо. Ирэн недоуменно покрутила его в руках и вдруг – сообразила. Это – грибок для штопки чулок! Не такой удобный, как был у ее бабушки, но пользоваться – можно. Раньше ещё и перегоревшими электрическими лампочками пользовались в таких случаях! Надо же, она так давно носков не штопала, что уже, поди-ка, и забыла, как это делать. Хотя – вряд ли. Понадобится – сядет и сделает.

Шило и толстые нитки, вместе с большой иглой, Ирэн вручила Анги. Сперва хотела сама сесть, а потом поняла, что раз она здесь «госпожа Ирэн», то, наверное, нельзя самой-то?

Лучше пока не привлекать внимание. Отбросила скатерть с половины стола, разложила шкуры, чуть обравняла им края прямо ножницами, срезав неровности и выступы.

– Анги, смотри – вот здесь и вот здесь – два прямых шва. Где кожа толстая будет – проколешь, иглу только не сломай!

Сама же она собиралась, пока светло, изучить свой ларец. Больше всего порадовало, что в крышку вставлено небольшое, с тетрадный лист размером, зеркало. Конечно, не такое, как у леди Беррит, но хоть что-то. Стекла здесь вообще мало, похоже, что оно дорогое, так что зеркало точно не помешает. Ларец был наполнен небольшими мешочками из атласа. В каждом лежали украшения. Не так и много, да и особого интереса у Ирэн они не вызвали – ну, не было у неё привычки цацки на себя цеплять.

Только обручалку и носила всю жизнь. А после похорон, насмотревшись на рыдающую рыжую деваху, и его сняла и убрала. Так и здесь, особого интереса все эти колечки и серёжки не вызвали. На каждый день – только мешать будут, а праздников в жизни не так и много. Пожалуй, то, что лежит в мешочке для рукоделия – ей и нужнее, да и привыч-

нее. Решительно захлопнув крышку, закрыла добро на маленький ключик и сама, без помощи вскочившей Анги, отнесла в сундук.

Всё добро вытаскивать не стала, но пару стопок посмотрела – ткани. Три, вроде как, шерстяные, а остальные – плотное х/б. Пусть лежат, может, потом пригодятся. Гораздо больше заинтересовала её та часть сундука, где лежала готовая одежда. Нашлось и чистое платье, добротное, новое, не слишком нарядное. И несколько рубах-сорочек. И три пары чулок новых. Надо их надвязать, что ли, и придумать, как к поясу крепить. Нельзя же с этими ремешками на ногах всё время ходить. А вот эту шаль тёплую можно и сейчас достать – пригодится.

С осмотром она управилась быстро. Посмотрев на Анги, старательно ковыряющую шкуры, поймала взгляд Питера, мающего от безделья, и кивком указала ему на дверь. Встали и дружно вышли, под пристальным взглядом недоумевающей Сании.

Было, было госпоже Сании с чего удивляться. Вместо ежедневных бесконечных молитв – какая-то странная деятель-

ность сестрицы. Отец отдал Ирэн своего пажа. Зачем? Что это значит? А не подлизалась ли она к нему?! Она, хоть и дура беззлая, но исключительно по дуру и могла ляпнуть что-то, что покажет Санию в невыгодном свете. Могла сказать, например, что Саня, когда может – ептимью не выполняет. Могла сказать, что в прошлый раз, как на ярмарку ездили, Саня себе купила диво – краску для губ! И когда зовут их гостям в зале показать – губы красит. За такое отец, пожалуй, и правда может своей милости лишит. Он и так на эту тварь, жену третью, тратит больше, чем на дочерей старших, обоих, вместе взятых. Так что стоило бы выяснить, что здесь происходит.

– Линта, сюда поди... Внимательно слушай! Исполнишь всё, как велю – на платье отрежу новое. А проболтаешься – найду, за что выпороть приказать. Поняла?

А Ирэн и Питер, не думая о худом, спустились по широкой лестнице к выходу во двор.

– Там конюшня есть, госпожа Ирэн. И кузница, и казармы... Оттуда и начнём замок смотреть. Неужели и правда – не помните ничего?!

Лёгкий морозец заставлял Ирэн плотнее кутаться в шаль, да и Питер зябко поёжился. Но до середины двора она всё равно дошла и встала, задрав голову на громаду замка. Сразу и не поймёшь, где что находится! Несколько высоченных башен разных форм. И круглая есть, самая высокая – там, вроде бы, покои отца находятся? И три квадратных, разной высоты, и ещё внизу переходы и связи между ними. Где в три этажа, а где – пониже.

Во дворе суетился народ, в честь прохлады двигаясь шустро, не застаиваясь на месте. Пробегали служанки с корзинами и бельём, у одного из боковых входов под ругань разгружали пару телег с тяжёлыми мешками, выскочил мальчишка в грязном белом фартуке и кинулся к навесу с огромной поленицей дров. Из будки вылез крупный обшарпанный пёс с колтунами, лениво потянулся, распахнув чудовищную пасть, встряхнулся и, посмотрев на суету, полез было назад. Однако, что-то его насторожило, потому неловко, задом, снова высунувшись, он принялся громко лаять.

Весь двор был обнесён высоченной каменной стеной и там, по этой стене, ходило несколько солдат. Их Ирэн опо-

знала по мечам, болтающимся сбоку. Ворота замка были распахнуты, в них как раз въезжала странная коробка на колёсах, запряжённая четвёркой лоснящихся чёрных коней. Вот на эту коробку, в которой открылась дверца и выпустила на свет невысокого, лысоватого человечка в чёрной длинной хламиде до земли и тёплой меховой накидке поверх, и лаял пес. Точнее – на этого лысоватого, который на улице, зябко поведя плечами, принялся натягивать меховой капюшон.

– К отцу Карпию опять гости приехали... – поморщился Питер.

– Что за гости?

– Это карета отца Паисия. Опять он...

– Что – опять?

– Он-то отцу Карпию выволочку устроит за пьянку. Тот, конечно, поклоны свои земные отобьёт, а потом на нас на всех накинется. И пойдёт раздавать и правым, и виноватым! И молимся-то мы все мало, и во грехе погрязли и всякое такое...

– Ладно, Питер. Я поняла. А сейчас – пошли в дом. Хо-

лодно очень. Да и не так уж мне нужны эти конюшни и казармы. Лучше изнутри всё покажи мне.

– А что показывать-то?

– Ну, где запасы хранят, кто в замке прислугой распоряжается, где гостей принимают и всякое такое...

– Понятно, госпожа Ирэн. Ну, как прикажете...

Осмотр замка занял всё время до обеда. Не слишком и запомнила Ирэн, что и где находится. Зато из дружелюбной болтовни Питера поняла довольно много. Всеми горничными в замке заведовала мадам Векс. Она – иностранка и вдова. Потому и называли её не как всех, а «мадам». И ещё она – дальняя родственница леди Беррит.

А всеми делами в замке заправлял господин Буст. Он – кастелян. И все-все – и повара, и работники, и сама мадам Векс – у него в подчинении. Он много работает и у него своя комната есть. Там всякие договора он хранит и следит, чтобы крестьяне налоги платили честно. А крестьян у лорда Беррита – видимо-невидимо! Целых пять сёл и даже ещё город есть. Настоящий город, с площадью и храмом своим.

А леди Беррит боится, что лорд за вами слишком много приданого даст – тогда её сыну меньше достанется. Ну, как это – почему? Потому, что лорд-то вас за владетельных лордов отдаёт, а те тоже очень денежки уважают. Приданое то, говорят, золотом платить будет. Землю не выгодно отдавать. Вот леди Беррит и бесится. Не будет денег – не будет платьев новых. Лорд Беррит и так на леди злится, что все кладовые поопустошала.

Какое кроме денег приданое? Да кто же его знает-то? Ну, богатой госпоже в дом мужа нужно и бельё привезти, и одёжи на себя много, и всякое-разное, что в доме ещё требуется. А леди уже скандалила, что лорд вам в приданое ещё и кубки серебряные даёт и кувшины. Это ведь страсть, как дорого выходит! Она-то уговаривала в монастырь вам приданое собрать...

Тут Ирэн невольно содрогнулась. Про монастыри знала она мало, только из сериалов, но мысль о том, что запрут на век, как в тюрьму, и ни ребёнка, ни котёнка не заведёшь – пугала.

К обеду вернулись в комнату, и Ирэн нарвалась на допрос от госпожи Сании.

Глава 9

Одним жестом отправив Питера в угол, госпожа Сания взяла Ирэн за руку и молча потащила к сундукам.

– Садись, поговорим.

Ирэн присела на сундук. Скорее – просто от растерянности. Что говорить?! Чай, сестрица-то настоящую Ирэн знает, как облувленную, мигом догадается, что дело нечисто... Однако, разговор пошёл совсем не о том, что Ирэн себя как-то не так ведёт. И не о том, что пажа с собой по всему замку таскать и показывать, как папенька благоволит, не стоит. Волновали госпожу Санию совсем другие вещи.

– Ты знаешь, что через две недели должны женихи прибыть, а через три – нас замуж отдадут?

– Знаю.

– Кто тебе сказал?

– Папенька, как меня вызвал, потом на леди Беррит ругался сильно. И вот это самое и говорил – что женихи приедут...

– А тебя не беспокоит, что до сих у нас приданое не собрано?! Я смотрю, ты целый день гуляешь, развлекаешься, а о деле подумать – некогда? – госпожа почти шипела, стараясь не повышать голос, что бы слуги не услышали, но явно испытывая сильное раздражение.

– О каком деле, Сания? – Ирэн и действительно не понимала, чего хочет сестра.

Вообще, если подумать, то можно уже и понять, что не слишком близки меду собой сёстры. За все эти два дня, даже при совместных завтраках-обедах-ужинах, они практически и не разговаривали. Ну, Ирэн-то просто ляпнуть побаивалась. А Сания? А вот она, похоже, не слишком и нуждалась в сестре. Тогда чего же сейчас-то всполошилась?

– Ты душой-то не прикидывайся, Ирэн! Мы ведь с тобой всё обдумали и решили, а теперь что же? Ты сама порешила папеньку обработать? Ну так не только тебе меня помадой запугивать, мне ведь тоже есть, что про тебя сказать!

Ирэн так и не поняла, про какую помаду сестра говорит, но и показывать недоумение не стала. С её точки зрения – всегда лучше миром вопрос решить.

– Сания, ты зря злишься на меня, поверь. Я уже тебе говорила, головой я сильно ударилась. С памятью плохо. Поэтому отец ко мне Питера и приставил – снова всё показать. Я и не собиралась тебя запугивать или дело бросать. Я просто не помню, о чём мы договорились и что за дело у нас общее.

Сания незадолго до возвращения Ирэн выслушала подробный доклад от Линты, а потому знала и как сестра день провела, и куда ходила, и даже частично – о чём говорила с Питером. Поэтому, возможно, и поверила сейчас Ирэн. Хотя всё равно – очень уж подозрительно эта потеря памяти выглядит! Но раз сестра утверждает, что от плана не собирается отказываться, то может и не врёт? Может – правда не помнит? План изначально был устроен для двоих, но раз и правда не помнит – может, оно и к лучшему?

– Мы с тобой уговаривались пойти к отцу и попросить сундуки наполнить.

– Сундуки? Так они и так, вроде бы, полные? Или этого мало?

– Ты что, дура?! – взвилась Сания, даже голос повысила – Мужья наши, конечно, деньги получают. Только вот нам-то с тобой от этого – какой прибыток?! Неизвестно ещё, какие там и мужья будут – может, скупердяи, не хуже... – тут она замолчала, позволяя Ирэн самой додумать, кого она имеет в виду – Мы с тобой, всё же, дочери лорда владетельного. А эта... – имени она опять не назвала – всю жизнь нас в чёрном теле держит. У нас сундуки – меньше, чем у купчих! Позорище какое! Прошлый год, помнишь, в баронство Нейширское ездили?! Ну, когда Сабину замуж выдавали. Видала, сколько телег с сундуками за Сабинкой повезли?! Я всё посчитала – на каждой из телег – по четыре сундука! И телег – аж три! – Сания азартно показывала счёт на пальцах – Вот так-то! Всего, значит, двенадцать! И уж там, ты поверь мне – всё-всё было! И ткани добрые, и платья всякие, и постель новая, и украшений у неё аж два ларца! И серебряной посуды сундук! А мы что? Позориться будем?! Не бывать такому!

Немного подумав, Ирэн спросила:

– Ты не злишь только, я и правда не помню... А раньше мы папеньке жаловались?

– Ха! Всегда эта... соловьём петь начинала, что девушкам скромность подобает и смирение! А сама, что ни месяц – платье новое. У неё под платья уже комната отдельная отведена... Вот увидишь, если протянем, она нам потом в сундуки свое тряпье старое напихает.

– Сания, значит надо идти вдвоём, да и поговорить с папенькой. Ну, он нам не чужой, да и позориться перед людьми не захочет...

– Да я бы и пошла, только вот папенька на меня в гневе, забыла, что ли? Эта... постаралась. Не велено меня к нему пускать.

– А за что он осерчал-то так на тебя?

– Так эта... пришла на урок, а потом и нажаловалась, мол и считаю я плохо совсем, и учителя не слушаю, и позорю лорда, и всё остальное... Ну, папенька меня вызвал и давай спрашивать сложение да умножение.

– А ты что?

– Ну, запуталась немного, ну и что?! Я, чай, не сама книжки-то домовые вести буду! На то – слуги есть!

Такая история и в самом деле была, только прошло после неё уже полгода, если не более. Но чего бы не попользоваться сейчас? Сама Сания отца побаивалась. Никогда нельзя было угадать, какая вожака ему под одно место попадёт.

– Сания, а где учитель-то наш сейчас?

– Господин Рейг?! Батюшки – да ты и правда ничего не помнишь?! Так он же помер от простуды. Ты же сама у гроба сидела! Неужели забыла?!

– Вот ты сказала – я и вспомнила. Сания, а давай я попробую с папенькой поговорить, а ты потом мне про разное расскажешь? Я много чего позабыла-то...

Сания посмотрела на неё с сомнением. Сейчас она даже и не знала, стоит ли связываться с такой? Хуже не станет ли? Ирэн и правда какая-то теперь совсем другая. Ну, придёт она к отцу, а ну как – ещё больше разозлит его?! Хотя... Ежели что, так папенька не на неё, на Санию, разозлится, а на эту

вот блажную.

– Сходи, только не сейчас. Вот после ужина, как выпьет он – всегда добрее. Может что и выйдет у тебя. Про меня только не забудь!

– Что ты, как же я забуду! А ты, пока обедаем, да и после обеда – поговори со мной?

– О чём? – кажется, Саня была искренне поражена.

– Да обо всём. Хоть бы и о том, что нам в сундуках надо, да и сколько просить, да каких тканей.

– Ну, об этом-то – сколько хочешь!

После ужина Ирэн, с гудящей от информации головой, отправилась с Питером в покои папеньки. Поглядывая на стоящих у дверей солдат и побоявшись зайти туда, в комнату с резными дверями, сама – отправила Питера на разведку. Говорила шёпотом и на ухо:

– Загляни аккуратно, да если у папеньки хорошее настро-

ение – спроси, можно ли с ним поговорить? А я пока тут подожду.

Питер скользнул в дверь, солдаты, привыкшие к нему, даже не обратили внимания. Паж – он и есть паж, что на него смотреть? Из-за дверей послышались звуки, похожие на перебор гитары, смех и чьи-то возгласы.

– Ой, поди-ка – не вовремя! – перепугалась Ирэн, но дверь за Питером уже захлопнулась, отсекая все звуки...

А Ирэн осталась дожидаться решения Питера. Мальчику она доверяла, бог знает почему... Просто так он её под гнев отца не подставит. Да и знает он лорда гораздо лучше.

Питер возник в дверях минут через пять, распахнул створки и провозгласил:

– Госпожа Ирэн по приглашению лорда Беррита!

Компания, в которой сидел лорд, вызвала у неё некоторое недоумение и даже, пожалуй, смущение. Кроме папеньки присутствовали двое мужчин. Один – высокий и худой, как щепка, с козлиной бородкой и смешными остренькими усиками. Одет так же дорого, как и сам лорд, в цветной бархат и парчу. Второй – среднего роста, плотный, но не жирный, одет в кожаную куртку и что-то пёстрое под ней. Усы его, в отличие от торчащих усов длинного, были любовно подвиты в колечки. А кроме мужчин в комнате присутствовали ещё и четыре женщины. Кто они такие, Ирэн даже не представляла, а смутило её то, что одна из дам сидела прямо на коленях лорда Беррита. Да и выглядели они все несколько... несколько растрёпанными. У одной вон платье задралось выше колена.

Судя по всему, пить начали недавно, и пока что у всех было прекрасное настроение. Хотя появление Ирэн и вызвало некоторое смущение у женщин. Та, что сидела на коленях папеньки, даже соскочила и, одёрнув платье, села на свободный стул. Ирэн машинально поклонилась. Кто его знает, правильно или нет, но лорд Беррит вполне беззлобно спросил:

– Что случилось, Ирэн?

– Может быть, я не вовремя, папенька?

– Говори.

Перечить Ирэн не посмела.

– Папенька, понимаете, я в этом не очень разбираюсь... Но я вспомнила, что когда мы ездили на свадьбу... – тут она чуть замялась. Как на грех, название баронства выветрилось у неё из головы! – Ну, когда госпожу Сабину замуж выдавали. Она уезжала – у неё сундуков аж двенадцать было. А у меня и Сании – по одному. Я и не знаю, это так вы и решили, или...

Длинный засмеялся, как будто закашлялся:

– Хе... хе-хе... хе-хе, видать, и правду треплются, что тебя, лорд, жена под башмаком держит! Хе-хе-хе... Дочка пэра – с одним сундуком! Хе-хе...

Следом прыснул тот, что завивал усы в колечки. А Ирэн,

понимая, что произошло что-то страшное, смотрела, как наливается краской лицо лорда Беррита. Сердце у неё зачастило, то, что гроза приближается, она чувствовала спинным мозгом, но единственное, что смогла придумать, это сказать:

– Я, папенька, от дел вас отрывать не хочу. Я потом зайду... – и аккуратно, задом-задом, начала пятиться к двери.

Но тут лицо лорда окончательно достигло оттенка помидора и, привычно грохнув кулаком по столу, лорд рявкнул на Ирэн:

– Стоять!

Ирэн замерла, забывая даже дышать и думая только об одном: «Господи, пронеси...».

Лорд нашёл глазами Питера, привычно прячущегося за пологом кровати, и рявкнул вторично:

– Питер! Буста сюда! Живо! И плевать, если уже улёгся!
Вот в чём есть, хоть в ночной рубахе! Бегом, я сказал!

С перепугу Ирэн никак не могла сообразить, кто такой этот самый Буст. Вроде как, имя-то знакомое. Хорошо, если это не палач какой-нибудь...

Глава 10

Господин Буст оказался плотным, чуть сутуловатым мужчиной лет сорока пяти, с не слишком здоровым отёчным лицом и тёмными кругами под глазами. Одет он, в отличие от всех, кого здесь раньше встречала Ирэн, был почти нормально – простой коричневый костюм, без алых или зелёных вставок, без полосок, парчи или шёлка. Просто суконный костюм и белая рубашка без ворота. Потому он ей понравился почти сразу. Кроме того, хоть и появился он достаточно быстро, но и какого-либо страха перед лордом явно не чувствовал.

– Слушаю, мой лорд.

– Буст, почему у них не собрано приданое? – лорд мотнул головой в сторону Ирэн так, будто там не дочь стояла, а шкаф или этажерка.

– Я дважды напоминал вам об этом, мой лорд.

– И что? – лорд несколько сбавил тон.

– Вы оба раза поручали это дело леди Беррит.

– И?

– Леди ко мне не обращалась.

В этот раз лорд припечатал по столу ладонью, и хлопок получился столь гулкий, что одна из женщин, та, у которой раньше было задрано платье, взвизгнула и прикрыла уши.

– Буст! Завтра с утра ты возьмёшь их – снова кивок на Ирэн – и соберёшь нужное. Пусть выбирают – никто не скажет, что дочери пэра Англинии идут под венец хуже баронских девок!

– Мой лорд, что я должен буду сказать леди Беррит?

– Отправь её ко мне!

– Слушаюсь, мой лорд. Ещё что-то?

– По тринадцать сундуков каждой! И то серебро, что я указывал – отдельно.

Господин Буст молча склонил голову, как бы показывая всем видом, что понял лорда, и покинул покои. Ирэнхватило ума поклониться и спросить:

– Я могу идти, папенька?

– Ты слышала? Завтра с утра соберете всё, что положено! И скажи Бусту, я велел все сундуки пометить и закрыть в отдельной кладовой. Понятно?!

– Как скажете, папенька. Всё в вашей воле.

– Вот именно! – папенька, кажется, начал остывать, но ему явно ещё хотелось показать, кто в доме хозяин. – Почему ты пришла одна? Почему не пришла Сания?

– Вы же сами велели ей не показываться на глаза, папенька. Вот она и не рискнула вас гневить.

Папенька посмотрел на Ирэн с удивлением. Потом нахмурился и покосился на гостей, особенно на того, тощего – пытался понять, слышал ли он, как его побаиваются домоладцы?! Тощий терзал струны инструмента, похожего на маленькую ручную арфу и что-то бормотал себе под нос, вроде

как – рифму подбирал. Лорд махнул рукой:

– Ступай!

Ни жива ни мертва, Ирэн выбралась из комнаты и при-
слонилась к стене. Ладони влажные, ноги подгибаются...

Нет, конечно, приданое – это хорошо и нужно, но чтобы
она ещё раз, сама, полезла к отцу?! Да ни за что на свете!
Сании надо – вот пусть и требует, что там ещё положено!
Слишком уж всё это... Неужели нельзя нормально разгова-
ривать? В двери снова образовалась щель, через которую вы-
скользнул Питер. Сочувственно посмотрел на Ирэн, снял со
стены факел и, подхватив её под локоть, повёл в дебри лест-
ниц и анфилады залов.

Сании Ирэн рассказывать ничего не стала, объявила толь-
ко, что завтра утром нужно подойти к господину Бусту, он
поможет собрать приданое. Сания кинулась было выпраши-
вать подробности, но Ирэн, подозревая, что удивление лорда
– неспроста, а сестрица не так уж и честна с ней, сослалась
на головную боль и легла.

В этот вечер утихомирились совсем рано. Ирэн, как и Питер – от стресса, а Сания из боязни, что её маленькое враньё откроется. Хотя и хотелось ей узнать подробности, но и без них она обойдётся. Главное: завтра откроют доступ к кладовым. А всё остальное – не так и важно.

После завтрака Ирэн слегка замешкалась. Одна из вышивальщиц, Мага, успела перехватить её в дверях, когда Ирэн собиралась следовать за Санией к господину Бусту.

– Госпожа Ирэн!

Ирэн удивлённо обернулась и замерла в дверях, Питер нетерпеливо переминался рядом.

– Что тебе, Мага?

– Госпожа Ирэн, пелену-то для часовни доделать бы надо. Мы-то с Реммой уже углы закончили. – и вопросительно уставилась на неё.

Ирэн слабо представляла, что от неё хотят. Беспомощно глянула на Питера, тот просто пожал плечами – откуда мальчишке знать хоть что-то про вышивание?! Неожиданно на помощь пришла Анги:

– Им золотую нить-то для шитья не дают, госпожа. Потому вы сами всё и расшивали. А сейчас вам некогда будет... Может, изволите приказать им дошить?

Ирэн задумалась. Про золотое шитьё она когда-то что-то слышала. Вроде как, там настоящее золото тонко-тонко плющили и навивали на шёлковую нить. И стоило это – страшно дорого. Как и любая женщина своего времени вышивать она умела. Ну, не то чтобы не то чтобы прям мастер была, но всё же... Может, стоит рассмотреть поближе, что там, на этой самой пелене?

Подошла к станку для вышивания, приподняла свободный угол. А красиво! Пусть рисунок перемежается церковной символикой, крестами и ангелами, но сама работа – весьма искусная, надо признать. Только центральная часть не до-

шита. Судя по всему, Ирэн раньше вышивала её сама, а потом вот... Ну, что случилось, то случилось. Думать о том, что девушка умерла, Ирине Викторовне было неприятно.

Так-то, если присмотреться, пожалуй, она и сможет довести рисунок до конца. Только вот – хватит ли ей времени? Подумала и поманила к себе Анги. Понятно уже, что про проблемы памяти служанка знает. Ну, так и пусть подскажет, где эту самую нить брать?

Анги уже давно догадывалась, что с госпожой не всё ладно. Но страха особого никогда не испытывала, а сейчас и по-давно. Госпожа – девушка тихая, боязливая, а что господь её покарал малость и памяти лишил, так оно, может, и к лучшему. Меньше всяких обид будет помнить. Может, это даже и не кара божья, а наоборот – пожалел господь сироту беспомощную? Госпожу свою Анги не то чтобы любила... Скорее – жалела. Больно та недотёпистая была, вот сестрица-то на ней и ездила. А сейчас, заметив, что к сестре старшей госпожа больше так не льнёт, даже радовалась. Глядишь, зараза эта, Саня злобредная, и прекратит подставлять дурочку без конца. Тогда и самой Анги, глядишь, жить полегче будет.

– Госпожа, ниточки-то у вас в сундуке, в отдельном мешочке лежат. Вы их достаньте, посчитайте и каждой выдайте. А я уж присмотрю, все ли они в дело пустят.

Нитки с золотом Ирэн рассматривала с интересом. На одних – тонкий золотой жгутик оплетал жёлтую шёлковую нить, на других – красную. Из-за этого само золото казалось разных оттенков. Прикинув, какой оттенок нужен для вышивки середины плата, она выделила мастерицам нитки и наказала дошивать самим. Кто знает, будет ли у неё время окончить работу до отъезда.

Самое забавное, что, понимая временность существования в замке, думать о том, что скоро у неё будет какой-то там муж и свой замок, Ирэн пока не могла. Ну никак эти мысли в голове не укладывались! Тряхнув головой, как будто пытаюсь отмахнуться от сиюминутных забот, она велела Питеру:

– Пойдём уж, ждут ведь нас.

Как выяснилось, никто их особо и не ждал. Госпожа Сания за это время успела довольно много сделать для себя и

без их участия. Четыре сундука стояли в коридоре, перед той комнатой, куда привёл её Питер. Господин Буст с равнодушным лицом наблюдал, как дочь лорда и служанка набирают господское добро. В руках у него была тонкая плоская дощечка и на ней он что-то отмечал.

– Леди Ирэн, – поприветствовал он её, слегка кивнув головой – проходите. Там есть ещё четыре сундука. Они – ваши. В этой кладовке полотно для белья и нижней одежды, есть крашеное – для домашних платьев. Выбирайте.

Ощущения, которые испытала Ирэн, войдя в кладовку, были очень-очень странные. Странной показалась комната, длинная и узкая, как коридор, с высоким потолком и одним единственным окном в самом конце. Благо, сейчас в него заглядывало солнышко и можно было видеть чуть не сотню разнообразных рулонов ткани, лежащих на полках. Там, в конце комнаты, у окна и копались в рулонах Саня и её служанка. Станным было и то, что сундуки, которые стояли один на одном в предбаннике комнаты, отличались от тех, что были уже набиты сестрой. Сильно отличались. И не рисунком, а размером. Сундуки сестры были все одинаковые. Примерно полтора метра длины и восемьдесят на восемьдесят сантиметров – квадрат боковой стенки. А вот оставшиеся

ся были меньше. Два – на треть длины, а два – в половину. Они, скорее, вообще напоминали крупные кубики.

Ирэн вышла из кладовки и не слишком даже робея спросила:

– Почему сундуки моей сестры больше, господин Буст?

– Потому что она так решила. – вполне равнодушно ответил он.

Ирэн замялась. С одной стороны, она тоже дочка пэра. С другой – может так положено? Старшей – больше, младшей – что останется? Так-то, если разобраться, их уже, от рождения, обеих с сестрой обделили в пользу брата. Была только одна странноватая тонкость, которую Ирэн, собравшись с духом, решила уточнить сразу. Зачем её задержали швеи? Это случайность или это происки Сании, которая вдруг до боли напомнила ей сестрицу покойного мужа? Та тоже любила пожить за чужой счёт, не забывая всячески подчёркивать – «Ну, мы же одна семья!».

– Питер, отойдём на минуту.

Питер послушно поплёлся за ней на лестницу.

– Питер, как ты думаешь, почему именно с утра меня в комнате задержала Мага? Это специально или случайно вышло?

Питер бросил на Ирэн внимательный и совсем не детский взгляд, секунду поколебался и сказал:

– Не знаю, госпожа Ирэн. А только когда госпожа Сания услала вашу Анги горшки выносить, – на этой подробности Ирэн слегка порозовела от смущения – Линта еёняя что-то наговаривала Маге в ухо. Я не слышал, что именно, только...

Ну, с этого момента Ирэн всё стало понятно. Оставалось только решить для себя, что делать? Поднять скандал? Выкинуть из двух больших сундуков добро сестрички и набить своим? Потребовать у господина Буста другие, большие сундуки? Может рискнуть и сбежать пожаловаться лорду? Или

всё же спустить это с рук сестре?

Глава 11

Так ничего и не решив, она вернулась в кладовку и не слишком уверенно начала отбирать ткани. Пока что складывала их Питеру на руки, но, когда туда лёг третий рулон, поняла, что мальчишка так долго не выдержит – тяжело ведь ему. Снесла всё добро и на время положила в среднего размера сундук. А за Питером как раз пришла служанка и велела срочно бежать к лорду Берриту. Вызывает лорд! Ирэн осталась совсем без подмоги.

Зашла да так и застыла у стеллажа, не поворачиваясь лицом к сестре. Пусть она себе там копается пока у окна, а Ирина Викторовна сейчас с обидой вспоминала свою золовку. Вот уж кто ни стыда не имел, ни совести! Всегда детьми прикрывалась, умела к братику подход найти, порассуждать на тему «мыжесемья». Сколько в своё время утащила домой всяких дефицитных ещё по тому времени вещей! То полотенца турецкие банные. Ирина-то брала маме своей, мужу и одно в подарок свекрови, ну и себе ещё, а сестрица тогда разохалась – как раз, дескать, набор ей на всю семью надобен. Витька и отдал. А что Ирина Викторовна чуть не четыре часа в очереди простояла на морозе, аж до самого закрытия магазина, так то, вроде как, и не важно.

Или вот шарф мохеровый шотландский. Тут особенно обидно было. Мода тогда такая была, аж двадцать пять рублей он стоил – Ирина как сейчас помнила эти сиреневенькие купюры с портретом Ленина и гербом СССР. Шарф пушистый, тёплый, красивый, в красно-зелёную клетку шотландскую. Свой-то муж себе оставил, а сестрице второй и подарил. А ведь Ирина мечтала, как пойдут они с Андреем на выходных гулять в парк в этих одинаковых шарфах, молодые, красивые, модные. А её шарф просто так отдали. Вроде бы – как на день рождения приближающийся. А по сути – просто так. На день рождения через неделю муж сестре своей сам лично в конверт положил две сиреневых купюры. Ну, свекровь-покойница его тогда хвалила очень, а он и говорил: «Да ладно, мать, что я, сестре да племяшам помочь не смогу, я ж мужик!» – и ещё одну такую же купюру матери выдал. Так его зарплата в тот месяц вся и ушла.

Конечно, голодать не голодали они никогда с мужем, а всё ж обидно было, что семья у него, вроде как, только мать с сестрой. Правда, осознание этого факта пришло сильно позднее. А тогда и Ирина Викторовна считала, что они ещё молодые и заработают, а золовке и мамам помогать нужно.

Не знаю, что бы решила в конце концов госпожа Ирэн, но тут – бог, не иначе – послал ей помощь – принесло леди Беррит, которая начала верещать на господина Буста так, что в ушах зазвенело. И этим самым визгом, похоже, накликала на свою голову неприятностей. Ирэн так и не рискнула бы выглянуть в коридор, слишком уж пугали её крики леди, но они резко прервались, перебитые басовитым голосом лорда. Папенька рывкнул на супругу, что-то неразборчиво спросил у господина Буста, а потом, с трудом протиснувшись в узкий коридор между стеллажами, посмотрел на кланяющихся сестёр и велел выйти.

Четыре больших сундука, что отобрала себе Сании, сейчас стояли по-другому. Два по одну сторону от входа в кладовку, два по другую. Леди Беррит у дверей кладовки уже не было. Стоял, уперев руки в бока, как грозная домохозяйка, лорд Беррит. За его спиной, шагах в двух – двое вояк. Между ними притаился Питер. Чуть ближе к входу в кладовку, с левой стороны от двери, застыл господин Буст.

Вблизи лорд пугал Ирэн ещё больше – невысокий, но массивный, тяжело пахнувший вином, потом и ещё чем-то неприятно-сладковатым. Глаза она на него поднимать боялась, по-

тому не сразу увидела, что господин Буст протягивает ей тяжёлый ключ, размером почти во всю ладонь, с хитрой резной бородкой. И во второй руке у него очень похожий ключ для Сании. Робко взяв тяжёую железку, Ирэн вопросительно посмотрела на господина Буста, который, хоть и был повыше папеньки, но на его фоне смотрелся мелким.

– Этот ключ, госпожа Ирэн, от кладовой комнаты, куда лорд велел выставить ваши сундуки. Для вас, госпожа Сания, кладовка будет другой.

Папенька грозно сопел, стоя почти между сестер, и Ирэн, собравшись с духом, сказала:

– Спасибо за заботу, папенька.

Ответа она не дождалась, зато дождалась вопроса госпожа Сания:

– Почему ты наврала сестре?

– В чём же я наврала, папенька?!

– Ты сказала, что я не велел тебе показываться на глаза мне.

– Да что вы такое говорите, папенька! Зачем бы я стала врать ей?!

– Вот и мне интересно, зачем? Почему ты не пришла вместе с ней просить приданое?

– Я, папенька, и знать не знала, что она собирается просить вас. А и знала бы – так отговорила! Сами вы такое решать должны. Я, как почтительная дочь, даже и не подумала бы у вас попрошайничать! Сколько дадите за мной – столько, значит, мне и положено.

Ирэн слушала с удивлением и растущим испугом. А ну как сейчас лорд ей выговаривать начнёт?! Однако что-то такое лорд, очевидно, всё же про своих дочерей знал. Потому что решение его было несколько неожиданным.

– Буст, всё как я сказал, и ключи каждой в руки. А ты, Ирэн, сейчас пойдёшь со мной.

Помертвевшая Ирэн пристроилась в самом конце процессии. Шли долго, в основном – спускались, местами – в полумраке. Не везде в каменных стенах были окна. Почти в подвале двое военных охраняли тяжёлые двери, закрытые на три огромных навесных замка. Питера лорд послал за одним из ключей, за вторым – солдата из своей охраны. Стояли долго, ожидая непонятно чего.

Вернулся Питер, ведя с собой невысокого пожилого дедка с ключом от одного из замков. Второй замок открывал крепкий мужчина, которого привёл с собой солдат. Третий – уже сам лорд. Запалили факел и внутрь прошёл только лорд Беррит, буркнувший Ирэн следовать за ним. Короткий коридорчик и ещё одна дверь с двумя внутренними замками. Эти лорд открыл уже сам и сам же, лично, зажёг ещё один факел, прихватив из стоящей на полу корзины. Кивнул Ирэн на дверь:

– Толкай!

Комната была не так и велика, квадратная, совсем без окон, зато с удобным креслом в центре и небольшим столом.

На столе лорд и оставил в специальной подставке один из факелов, второй – сунул в кольцо на стене. На противоположной стене – что-то вроде стеллажа, ну, как с тканями. Только стоят там различные коробки, ларцы и шкатулки разного размера. Не так и много, штук, может быть, сорок.

Лорд тяжело плюхнулся в кресло и, ткнув пальцем в нижний ряд на одну из коробок, велел:

– Поддай сюда вон ту, крайнюю.

Ирэн с трудом поставила на стол небольшую, но очень тяжёлую шкатулку. Секунду подумала и подвинула так, чтобы лорду было удобнее открывать. Он откинул крышку, и в полумраке комнаты, в отблесках факела, блеснуло золото. Монеты сантиметра четыре в диаметре каждая. С чёткой чеканкой какого-то профиля в короне. Ирэн смотрела в шкатулку с любопытством – старинных монет она отродясь не видела, не считая огромного медного пятака времён Екатерины, кажется, что «на счастье» хранила её бабуля.

– Послушай меня внимательно, Ирэн... – голос лорда был

глуховат и не так уж и громок. — Возможно, я был вам не самым лучшим отцом. Но всё, что я должен — я вам отдам. Эти шкатулки, что я сейчас набью — твоя личная собственность и собственность сестры. Никто про них знать не будет, даже ваши мужья. Береги это на чёрный день.

Пауза была долгой, Ирэн даже дышать побаивалась, чтобы не спугнуть мирное настроение лорда. Кто знает, о чём он там думал...

Наконец, лорд привычным голосом скомандовал:

— Дай вон ту шкатулку. Да-да, эту... И ещё — которая слева стоит.

Из кармана он вытащил несколько мешочков и принялся набивать их, выбирая монеты толстыми неуклюжими пальцами из кучи.

— ...и пять... и шесть...

В два мешочка влезло по двенадцать монет. Их он затянул шнурками и небрежно кинул в шкатулки по одному. В ещё один, совсем маленький, положил шесть монет и доба-

вил только в одну шкатулку. Потом велел убрать монеты и подать довольно большую плоскую коробку. Там Ирэн увидела то, за что леди Беррит не задумываясь продала бы душу – женские украшения. Несколько небрежно лорд кинул в один мешочек две пары серёжек и в другой – похожие. Кажется, он особо и не выбирал, кому из них какие. Из высокого ларца, где на закреплённых горизонтально штырях хранились перстни, выбрал несколько штук поменьше и так же разложил по шкатулкам. Потом секунду поколебался и кинул в ту шкатулку, где лежали шесть лишних монет, ещё и массивный золотой перстень.

Затем каждую из шкатулок легло ещё по закрытому атласному мешочку:

– Тут украшения, что я дарил своим жёнам на свадьбу. Теперь они будут ваши. Ну, хватит... Пошли.

На выходе лорд сунул шкатулку с лишними монетами Ирэн:

– Возьми, это – твоё. И береги.

Кто знает почему, но в спину лорду, склонившемуся над замочной скважиной, Ирэн сказала:

– Отец, а почему мне – больше?

Он долго сопел, не попадая ключом в нужное место в неверном свете факела, и Ирэн уже думала, что он никогда не ответит. Потом лорд распрямился и, довольно резко развернувшись, глянул ей в глаза:

– Ты никогда не отличалась умом, Ирэн. – помолчал и добавил – Но и никогда не врала мне. Идём.

Шкатулку, что нёс в руках лорд, он отдал Сании, что-то сказав ей так, что не слышали другие. Минуту посмотрел на её почтительно склонённую голову и ушёл в сопровождении стражи. Питер остался с госпожой Ирэн и так и таскался с ней. Впрочем, она и не возражала – так, пожалуй, безопаснее. Мало ли, кто-то что-то спросит... Или опять прибежит леди Беррит. Очень уж она голосистая и скандальная.

После крепких льняных и ситцевых тканей были ещё кладовки с сукном, с таким количеством ароматных трав от моли, что Ирэн еле выдержала, следом шли бархат, шёлк и парча — здесь запах был уже полегче да и сундуки — поменьше, но в общей сложности каждой из невест досталось по двенадцать сундуков, в одном из которых, пересыпанные стружкой, лежали серебряные кубки и вазы, ещё в одном, огромном, с шестью ручками — перина, пуховое атласное одеяло и по три подушки. Была там и фарфоровая посуда, немного, всего по две вазы каждой из них, зато — огромных размеров, напольные, с позолотой и росписью. Для таких ваз предназначались отдельные, набитые соломой и стружкой коробки. В целом, приданое дочерей пэра смотрелось гораздо объёмнее и больше, чем дочери какого-то барона.

А самое приятное для Ирэн было то, что больше Сания не пыталась её обхитрить. Пожалуй, теперь Ирина Викторовна и сама ощущала некоторое неудобство от того, что ей досталось больше монет. Вроде как, и не просила сама, не желала обобрать сестру, а вот так получилось... неловко как-то.

Сундуки Ирэн стащили в одну из комнат, она лично заперла дверь на ключ. До приезда женихов оставалось один-

надцать дней.

Глава 12

Самое неприятное было то, что Сания с Ирэн больше не разговаривала. Неизвестно, что сказал ей лорд, чем обидел... Или, может быть, она, Сания, сама сочла себя оскорблённой тем, что количество баракла у них с сестрой будет одинаковым? Или решила, что Ирэн выпросила себе дополнительно что-то? Кто знает... Только вот теперь смотрела она сквозь и делала вид, что кроме неё и служанок в комнате больше никого нет.

Пару раз попытавшись поговорить сестру, Ирэн отстала от неё. Хотя внутри всё сжималось в комок от обиды. Ну, за что она так? Ведь и наврала, и обсчитать попыталась Сания, а виноватой в ссоре себя теперь чувствовала Ирэн. Как-то уж это совсем несправедливо!

После ужина Ирэн долго не могла заснуть, всё пыталась понять, что же теперь делать-то? Неужели вот так и будут сидеть в одной комнате, делая вид, что не видят друг друга?!

Надо сказать, что всё это время Ирина Викторовна чест-

но пыталась вжиться в обстановку. Вот с того момента, как поняла, что она теперь – госпожа Ирэн и попаданка, с этого момента и началась попытка подружиться с семьёй, принять эту новую реальность как свою, ухаживать за отцом, хотя он и пугал изрядно, понять, как они тут живут, и стать такой же. И сейчас, кутаясь в пованивающие шкуры, Ирэн с горечью осознала – ничего не вышло. Не нужна она ни отцу, ни сестре. А леди Беррит так она и подавно – только мешает.

Слов нет, приданое отец щедрое дал, да ещё и тайный подарок добавил. Хотя и не знала Ирэн истинной цены монет, но понимала, что это – много, даже очень много. В шкатулке той, если так подумать, монет было штук триста. Так ведь это – золото лорда владетельного! У которого и гигантский замок, и слуги, и земли, и прочего добра кучами. Значит, для начинающей свою жизнь девушки двенадцать монет – огромное богатство. Только вот в семью её так и не приняли. Никто из них... Понятно, что раньше-то Ирэн другая была, но, похоже, до неё и тогда никому дела не было, и сейчас.

Мысль о том, что будет скоро какой-то там муж, Ирэн теперь уже не так и пугала. Она крутила её в голове, привыкая к тому, что всё, что сейчас вокруг есть, скоро изменится. И люди будут другие вокруг, и дом другой. Может, это даже и

к лучшему, замужество-то?!

– Лишь бы человек хороший был, – говорила она сама себе – а уж я-то постараюсь с ним ужиться. Раз уж этой семье не нужна, может, свою получится устроить? А потом, глядишь, ещё и ребёночек будет... Да и так подумать... Оно, конечно, всё вокруг чужое и непривычное, но ведь если постараться, то и привыкну. И, бог даст, с мужем-то уживусь?

Нельзя сказать, что думы о муже были радужными, опасения всё равно оставались. Кто ж знает, может быть он и страшнее лорда будет? Может, его и полюбить нельзя? Только похоже, что никто и не собирался прислушиваться к таким страхам. Так что, решив про себя, что – чему быть, того не миновать, Ирэн честно попыталась уснуть.

С утра в комнату заявила Шанта, та самая служанка, которая помогала отмывать покои лорда. Поклонилась низко и сказала:

– Пожалуйста на утреннюю молитву – ещё раз поклонилась заспанным девушкам и вышла.

В комнате все засуетились. Даже Питер, который до завтрака старался никому на глаза не лезть, вскочил и начал приводить себя в порядок – солону отряхнул, пояс надел кожаный, даже волосы пригладил гребнем, вытащенным откуда-то из одежды. Ирэн растерялась – не понимала, что делать нужно.

– Питер?

– Вы, госпожа Ирэн, побыстрее косу-то заплетайте. Отец Карпий гневаться будет, ежели кто запоздает!

– Так мы же ещё и не завтракали.

– Завтрак, госпожа Ирэн, он всегда после молитвы бывает. Ну, когда отец Карпий службу-то свою справляет.

В комнате с иконами в этот раз было значительно светлее от лампадок, горящих перед иконами свечей, нескольких факелов, укрепленных в стенах. Сания уверенно прошла к лавке в первом ряду, той, что была со спинкой и подушечками, и уселась, глядя прямо перед собой. С Ирэн она так и не разговаривала. Аккуратно подталкиваемая под локоток Пи-

тером, Ирэн села рядом с сестрой. Питер выдернул низенькую скамеечку из-под лавки и сел рядом. По краям комнаты толпилась прислуга. Как поняла Ирэн – здесь не все, а только самые близкие семье лорда люди.

На скамейках уже сидели и господин Буст, и мадам Векс, и ещё несколько человек, которых Ирэн не знала. Но это – точно не прислуга и не горничные – одежда другая на них, подороже. На двух женщинах, из тех, что в комнате отца были – платья шерстяные, но с парчовыми вставками, не сказать, что вот прямо нарядные, но и пол в таком мыть не станешь.

Отец Карпий выглядел... плохо он выглядел. Не слишком высокий ростом, но нездорово полный, отёчный, с масляными, выющимися до плеч волосами, красными воспалёнными глазами-щёлочками и бледной, как сырое тесто, кожей. Чёрный балахон лоснился на животе, колыхался нелепыми складками подол, широкие рукава скрывали кисти рук полностью. Даже непонятно, как он с такими рукавами хоть что-то делает? Даже вот есть – как?

Сейчас он стоял лицом к пастве, сопел и распространял запах ладана, перегара и чеснока. Поблёскивал на каждого

вошедшего пороссячьими злыми глазками и неприятно шевелил лоснящимися вишнёвыми губами, которые напоминали нашлапку из куса сочной говядины на его чёрной, редкой бороде.

В комнату вошёл лорд Беррит, за ним, шелестя шелками, леди и несколько служанок. Отец уселся на первую скамью, махнул рукой, и отец Карпий начал службу. Голос у него был привычный, но какой-то гулкий. Так что не все слова и разобрать можно было. Больше, конечно, молитвы читал по лежащей перед ним на специальном пюпитре книге, но и упрекать не забывал, обзывая людей, не конкретно тех, кто в комнате, а вообще – всех. И кал они, дескать, и гной смердящий, и прочие гадости говорил... Слуги, набившиеся по краям комнаты, крестились, кланялись при особо мерзких выражениях, как бы соглашаясь, что – да, такие они и есть.

Лорд Беррит, чуть посапывая, задремал под монотонный бубнёж, леди Беррит, благочестиво сложив руки, смотрела в пол. Ирэн сидела как на иголках, внимательно поглядывая на всех присутствующих, чтобы не пропустить момент, когда себя крестным знаменем осенять надо. Крестились здесь не справа налево, а наоборот. Хорошо, что Ирэн сперва посмотрела, как другие делают. Но было непривычно очень. Нако-

нец, отец Карпий закончил бурчать свои угрозы:

– В субботний день, чада мои, на исповедь жду! Да и невестам попоститься бы не мешало перед свадьбой!

Выходя из комнаты, каждый, в первую очередь – лорд, вставал в дверях лицом к комнате и низко кланялся. За ним тот же ритуал проделывали и другие, так что Ирэн и Питер уже вернулись в комнату, сразу за Санти, а Анги и Линта с вышивальщицами всё ещё были там. Оглядев комнату, Ирэн передёрнулась. Грязь, кровать пахнет, на столе – крошки и пара мисок от ужина вчерашнего.

Если так разобраться – на кой ей, Ирэн, порядок здесь наводить? Всё равно через несколько дней покинет эту комнату навсегда. Но, с другой стороны, жить тут ещё пару недель – себя не уважать. И потом, брачную ночь ведь не здесь они проводить будут? Надо бы этот момент у Анги уточнить. К Питеру же не сунешься с таким вопросом – неловко.

После завтрака, дождавшись, когда Анги поест, Ирэн и взялась за разговор. Сания, как обычно, достала свой ларец и

что-то там примеряла у зеркала. Вышивальщицы – Ирэн так и воспринимала их – как пару, а не по отдельности – уселись на привычные места, поближе к окну и свету, и неторопливо, размеренно взмахивали иголками.

– Конечно, не тут, госпожа Ирэн! Вас в комнату к мужу вашему отведут. Уж гостей-то лорд Беррит сможет достойно принять, даже не сомневайтесь!

– Анги, уж больно мне тяжело здесь находиться, неудобно тут...

Анги понимающе покивала головой. Вряд ли её волновали проблемы грязи, но вот то, что Санти, по любимому выражению леди Беррит – «воротила морду» от сестры – это все видели и понимали. Причин не знали, ну так и не положено такое слугам. Хотя, конечно, разговоров, сплетен и домыслов было много. Все гадали, чем же младшая старшей в этот-то раз не угодила?

– Ну, можно было бы у леди Беррит попросить разрешения малую комнату занять. Только ведь она совсем крошечная. Вы же сами обижались, что у сестры большая и вас об-

делили. Даже плакали тогда... леди вам обеим и отдала этот зал.

Ирэн задумалась. Идти к леди просто так, просить у неё позволения переехать в ту самую малую комнату... Бесполезно! Она из одной обиды, что приданое собрали и её не спросили, не позволит. Зато, если ей что-то подарить – может, разрешит? Ну сколько можно грязной ходить и спать на серой простыне? Есть же ткани, можно себе и бельё сшить постельное, да и вообще... Одной в комнате – точно удобнее. Не будет вот этого холодного игнора от Сании...

– Анги, давай-ка мой ларец посмотрим.

Конечно, шкатулку с деньгами Ирэн сейчас не пойдёт доставать – от греха, как говорится. Но ведь и в ларце есть всякое-разное. Авось и найдётся небольшой сувенир для леди? Нашлось в ларце не так и много, но мешочек с украшениями был. Там и подобрала Ирэн вполне достойный перстенёк с алым камнем.

И леди Беррит, к которой отвёл её Питер, хоть и морщила

нос, но благосклонно выслушала стенания Ирэн на то, что «головой стукнулась, плохо соображала, никого не узнавала...». А выяснив, что падчерица всего-то и просит ключ от малой комнатки – вообще подобрела. Комнат этих в замке не один десяток пустых, а колечко – оно всегда пригодится. Лорд, так-то, не слишком скуп, но украшения лишними не бывают. Потому, кликнув мадам Векс, она приказала:

– Подберите скромную комнату госпоже Ирэн. Пусть она проведёт последние дни в благочестивом одиночестве и душевспасительных молитвах...

Из трёх комнат, что показала ей мадам Векс, Ирэн выбрала ту, что была меньше размером, но с камином – хоромы ей не нужны, но и мёрзнуть – тоже не лучшая идея. Кроме того, в одной из комнат под резным остовом кровати она видела выкатную доску на колёсиках – кровать для прислуги. Поэтому, под недовольным взглядом мадам, слуги перенесли её в новую комнату Ирэн. Ну не устраивать же здесь, в углу, свалку соломы и подгнивших вонючих шкур?

А Питер был только счастлив, что Ирэн разрешила ему ночевать на его старом месте – в комнате со слугами лор-

да. Рассуждал он вполне здраво – госпожа замуж выскочит и съедет отсюда. А там у него – своё место есть всегда. А не станет ночевать постоянно – любители быстро найдутся. С ним в комнате ночевал, кроме остальных, ещё и лакей лорда Беррита. Ну, Грант, который за костюмами лорда следит и прочим. А уж он всегда заботился, чтобы ночью дрова для камина были. Так что, лучше уж Питер утром к госпоже будет прибегать, а ночами – охранять своё место тёплое. Тем более, эка невидаль, госпожа разрешила шкуру себе забрать!

Тонкое золотое колечко с изумрудным кабошоном сделало мадам Векс гораздо ласковее и любезнее. И свободные горничные нашлись для уборки, да и с мытьём проблемы решились мгновенно. Единственное, что смутило мадам так, что она даже сочла нужным переспросить, было странное решение госпожи Ирэн – помыть свою служанку:

– Госпожа Ирэн, скоро будет весна и она сможет мыться в реке, как и положено простолюдинам! Вы уверены, что стоит так баловать вашу Анги?!

– Думаю, госпожа Векс, что мой жених будет неприятно поражён служанкой-замарашкой.

– О, госпожа Ирэн, уверяю вас, вы преувеличиваете! Мужчинам это совершенно всё равно! Но бог с вами, пусть это будет ваш маленький каприз!

Лишний раз Ирэн убедилась – деньги решают многое. Не всё, безусловно, но – многое.

Глава 13

Комнату мыли. Не сама Ирэн, конечно, а двое горничных, работающих и молчаливых. Ирэн же в это время испытывала смущение от того, что Анги, немного помявшись, практически запретила ей работать:

– Вы, госпожа, как головой-то тюкнулись, вроде как, и сама не своя стали... Где же это видано, чтобы дочка лорда тряпкой пыль возюкала?!

К ней охотно присоединился Питер:

– Анги правильно говорит, госпожа Ирэн. Нельзя так, совсем-то уж по-простому... Госпоже прилично молиться там, ну или вышивать. Тоже вот дело хорошее. Не знаю я, чем ещё благородные госпожи занимаются, но уж точно не служанок заменяют!

Так что, осмотрев свою крошечную комнатку и наказав, что именно и как нужно отмыть, Ирэн с Питером верну-

лись в комнату с приданым, перерыли все сундуки и с помощью Анги перетаскивали необходимое. Сания удивлённо посмотрела на новое одеяло и ткани, но Ирэн, так же, как и она раньше, решила делать вид, что сестры тут нет. Заставила Анги тщательно отмыть стол, расстелила полотно, прикинула размеры, прибавила немного ткани на усадку и села шить. Питер суетился рядом, подавал ножницы, вдевал нитки в иголки и всячески демонстрировал, что он при деле.

Ирэн заподозрила, что мальчишка просто боится, что отправят его совсем от госпожи, а не только на ночь. Потому решила успокоить его и завела разговор о семье самого Питера. Заодно можно и узнать, как вообще люди здесь живут. Рассказ её не порадовал. Питер старался изо всех сил показать, что он не из простой семьи, похоже, где-то и привирал, но суть, которая лезла из фраз – пугала.

Отец Питера, лорд Фетинг, был третьим сыном в семье, потому место оруженосца при богатом лорде сочли огромной удачей и он сам, и вся его семья. В семнадцать лет, после первого боя, где показал себя юный боец бесстрашным, лорд посвятил его в рыцарский сан. Так появился лорд Фетинг. Было ему двадцать два года, когда, при спасении лорда на поле боя, получил он серьёзную рану и остался без поло-

вины ноги. И выжил-то чудом. От лорда в награду была ему предоставлена земля и дом аж из четырёх комнат. Кому-то нужно было ухаживать за плохо стоящим на ногах лордом, так что семья соседей пристроила замуж свою третью дочь.

Хотя Питер немного хорохорился, но Ирэн прекрасно поняла, что жила семья без малого – впроголодь. Батрак у них был только один, хоть и крепкий, но уже не слишком молодой. Он и обрабатывал огород. Всю домашнюю работу делала сама леди Фетинг. Ну и сыновья помогали. Отец, лорд Фетинг, иногда рыбачил. Ходил он сильно прихрамывая, вместо ноги – деревяшка, но грести ему это не мешало. Старший сын, брат Питера, занимался живностью и иногда охотился. Кур держали, несколько гусей. Их пас сам Питер. С братом вместе они собирали хворост на зиму. Это занимало много времени. Отец копил деньги на козу. Уже, вроде бы, и купили даже. Но дом и земля отойдут старшему брату.

Первый раз Ирэн задумалась о везении. По сути, попав в чужой мир, она оказалась в максимально выгодных условиях. Её кормили. Она жила в тепле. Более того, её и замуж-то отдадут не на улицу и с большим приданым. А, не дай бог, попала бы она вот в такую семью Фетингов? Дочка, у которой нет приданого, считай, изначально – старая дева. Неуже-

ли никак из такой нищеты не выбралась бы?!

– Питер, а на что родители покупают одежду?

– Семья матери приданое-то скудное дала очень, но каждый год мешок шерсти отдают. Так записали в бумагах – до смерти матери. Ну вот зимой она прядёт, вяжет из ниток, а всё, что навязала – идёт на продажу. Немного выходит, но на полотно хватает. Отец, как продаст всё, обязательно сколько-то откладывает на чёрный день. А на остаток и покупает ткани. А мама потом шьёт, что нужно.

Получается, что кроме приготовления еды, мытья посуды, уборки-стирки и прочего, женщина ещё и деньги зарабатывает. Для мужа.

– Мама какой-то год, давно уже, уговаривала отца батрачку взять. И по дому бы легче было управляться, да и навязать можно было бы больше. Она говорила, что денег хватит ещё один мешок шерсти и самим купить. Только отец не захотел лишний рот кормить. Я-то тогда совсем ещё мелкий был... – Питер даже зажмурился, вспоминая времена, когда он был «совсем мелким» – они долго тогда ругались... Мама года

два или даже три всё к отцу подступала с этим. Но отец у меня – кремень! Не повёлся на бабские уговоры!

Забавно... Получается, Питер действительно не понимает, что только мать приносит в семью деньги? И потом, откуда у мальчишки эти выражения – «кремень» и «бабские уговоры»?! Сам он вряд ли стал бы так говорить про свою мать. Значит – слышал от кого-то. Интересно, от кого? А Питер продолжал рассказ о своей семье.

– У нас сосед есть, лорд Штуф. Ну, он хоть и сосед, а не ровня, так отец говорит. Богатый он, потому что! Но иногда заезжает к нам – с папой побеседовать. Я сам слышал, как он говорил – ты, дескать, лорд Фетинг, молодец! Бабам только волю дай – они сейчас всё на прислугу растратят, а сами будут на перинах возлежать! А сам-то он, конечно, получше живёт, чем мы. Хотя сам-то батрачку держит. Зато у него ещё и три батрака и земли больше, чем у нас в несколько раз! У него даже сад при доме есть, во как живет!

– Питер, я вот подумала... Если бы твой папа взял батрачку и они, вместе с мамой твоей, навязали бы больше в два раза, на что бы ещё, ну, кроме одежды, можно было деньги потратить?

Питер задумался. Думал долго, шевелил губами, что-то прикидывал на пальцах, запутался, начал загибать снова...

– Ежели бы за два года деньги – так, пожалуй, корову можно купить. Конечно, как сторгуешься, но я всегда на ярмарке, если отец брал с собой, на торги бегал. Там такие споры и ссоры бывают – ухохочешься! Однажды там лорд один, скупой очень... – тут Питер примолк, что-то обмыслил, смутился и не стал продолжать историю. – Впрочем, ну его, лорда этого, – похоже, историю нельзя было рассказывать благородной госпоже – так вот, молодую тёлку хватило бы купить. А корова в доме – это ох, как хорошо! И молоко будет, и простокваша всегда!

– Питер, может быть, тогда твоя мама была права? Сейчас бы в доме уже была корова.

Питер, до этого рассказывающий о своей семье со смущением, но и с удовольствием, растерянно воззрился на Ирэн. Понятно, что мальчишка всё равно скучает по дому, но нищету вспоминать ему тяжело. А тут – благодатный слушатель, от которого он не ждёт злой насмешки, вот он и рас-

старался. Но неужели не понимает, что если всё в чистую тратить на прожитие, не приращивая хозяйство хоть по капле, то и не выберешься из голода и холода?! Ирэн отложила дошитую наволочку и взяла следующий кусок ткани – пододёяльник. Придётся сшивать три куса в длину – слишком узкая ткань в рулонах оказалась. Ну ничего, глаза боятся, а руки делают, это всем известно. Нахмуренный Питер подал госпоже новую иголку и, умышленно отвернувшись к окну, принялся вдёргивать нитку в следующую. Похоже, он просто не знал, что сказать.

Ирэн тихонечко шила, размышляя о том, что если бы не свезло ей и попала бы она к такому вот упёртому лорду Фетингу, то, пожалуй, стала бы прятать понемногу связанное. Ну, конечно – на корову не одну бы пару чулок спрятать пришлось. Не один год бы утаивала. Зато потом чуть легче дышать бы стало. Нельзя так – без запаса совсем жить. Ведь случись что – голодать придётся. Конечно, сама-то она – не больно много работы умеет делать, ну, из того, что продать можно. Даже вот и прясть – не обучена. В бабушкиной деревне и овец-то никто не держал! Даже на тёплые носки нитки фабричные

покупали. Да и умерла бабуля рано совсем, Иришке тогда лет тринадцать, что ли, было всего...

Но вот всё же, случись край, что бы она могла сама? Ну, вязать-то, конечно, обучена. И носки умеет, и кофту. Ну и по мелочи всякое там – рукавички-шапочки. Какие-то узоры точно вспомнить сможет. Как бы узнать ещё, высоко ли такая работа ценится? Надо будет у того же Питера спросить. Раз уж продавали они вязаное – должен знать.

А ещё крючком обучена вязать. Может и воротник, и салфетку красивую сделать. Вот за это, пожалуй, подороже заплатят, если уж вдруг что. Вышивать обучена, конечно. Не искусница, но кое-что знает. В школе шить учили. Ничего сложного, разумеется, не умеет. Так, верхушек нахваталась. Готовить умеет, как все женщины. Нет, слов нет, в своей работе-то она мастер не последний была. И грамоты даже имела почётные. Только вот откуда здесь возьмётся мостовой или башенный кран?! Так что только то может пригодится, что сама, ручками, сумеет сделать.

Очень невесело это осознавать было. Ирэн даже расстроилась немного. Сколько всяких умений дома – не счесть! Люди руками такие чудеса творить могут! А она, госпожа Ирэн, получается – толком и не знает ничего. Конечно, судя по

этому замку, ей голодать-то не грозит, но всё же...

Бельё дошила только к вечеру. Даже простыни успела подрубить, хоть уже и при свечке. И не только себе подрубила, но и служанке. Пусть и охала она, когда узнала, зачем госпожа шерстяное одеяло достала из приданого, и смотрела недоверчиво, но видно было, что приятно ей, аж глаза заблестели. Вряд ли прошлая Ирэн так заботилась о ней, если по одежде горничной судить.

Принесли ужин, слуги засуетились. После ужина горничная снова ушла, уже с бельём для кровати хозяйки. Сания столкнулась с Питером и накричала на него, хотя Ирэн и видела, что столкнулась она специально...

Вернулась Анги, позвала госпожу мыться. Вместе с ней достали из сундука чистую сорочку, платье нашли новое, из синей шерсти. Конечно, слежалось оно, кажется мятым. Надо повесить на ночь – авось расправится. Для Анги Ирэн тоже достала чистую сорочку. Комплекция у них почти одинаковая. И платье нашла из холстины крашеной. Не слишком красивое, коричневое, скучное. Зато – чистое. Прихватила с собой и расчёску – обязательно отмыть нужно!

В комнату еле-еле вместилась на свободное место огромная деревянная шайка, полная горячей воды. Теперь просто не развернуться тут. Ирэн пришлось за дверями ждать, пока Анги развешивала её платье новое, чтобы отвиселось. И объяснять пришлось, зачем одеяло новое в мешок нужно запихивать – Анги просто кинула его сверху на пододеяльник.

– Это не мешок, Анги, а пододеяльник. Чтобы одеяло не пачкалось. Его снять легко и постирать. А спать без белья – это скоро всё выкинуть нужно будет!

Камин не только грел, но и освещал небольшую комнатушку отлично, потому и раздеваться было не холодно. Ирен села в тёплую воду и аж застонала от удовольствия! Рядом стояли три ведра воды для ополаскивания. Анги принесла в ковшичке какое-то серое месиво, вроде раскисшего мыла. Мыло и оказалось. Волосы пришлось намазывать и полоскать дважды – такие грязные были! Потом Анги растерла её скрученным куском новой мешковины. Жёсткая штука, зато ощущение чистоты – бесценно! Напоследок окатила всю, с головы до ног, успевшим уже слегка остыть травяным отваром из кувшина:

– Это вам мадам Векс сама для вас заварила, велела сказать, что для волос полезно и запах хороший!

Запах, и правда, был приятный – что-то такое свежее, лимонно-мятное. Воды, конечно, набрызгали на вымытый пол. Ну да ничего, потереть не долго.

Пришла горничная от мадам Векс – принесла ещё два ведра чистой горячей воды. Сказала, что это – для служанки. Хватит с неё и столько. Подтёрла пол, пообещала зайти попозже – убрать всё, и, прихватив пустые ведра, ушла.

Такое счастье было лежать на чистом белье, укрываться нормальным одеялом, а не шкурами! Ирэн с любопытством понаблюдала, как Анги, сняв свою пропотевшую холстину, лезет в ту воду, в которой она мылась. Неприятно, что уж там... Но мадам Векс больше не даст чистой воды. Да и саму Анги это ни капли не смущает – ей и в голову не пришло требовать чистой воды. Она искренне радовалась возможности помыться в тепле, у горящего камина. Ладно, не стоит лезть со своими порядками в чужой монастырь.

Чистая Анги в новой рубахе госпожи чувствовала себя несколько смущённой. Пришли горничные и начали выносить воду ведрами. Ох и долго провозились... Наконец, Ирэн уже даже носом клевать начала, протёрли пол насухо и выкатили из комнаты, поставив на ребро, эту шайку. Стало значительно просторнее. Ирэн размотала огромный кусок мягкого толстого полотна с головы. Волосы, конечно, ещё влажные. Но лучше разобрать их сейчас. Анги возилась долго, Ирэн уже совсем уснула, когда служанка доплела ей слабую косу.

Анги выкатила свою громыхающую деревянными колёсиками доску из-под кровати госпожи. С сомнением посмотрела на белую простынь, но послушно расстелила на чистом тюфяке со свежей соломой и чехол этот странный, госпожой сделанный, натянула на пушистое одеяло. Тёплое, поди-ка...

Кто знает, что у госпожи теперь в голове-то, с тех пор как шандарахнулась она – не узнать прямо! Раньше-то за все годы столько не дарила, сколько сейчас за неделю! Да и булку белую Анги последний раз ела аж на ту Пасху. А теперь она, госпожа-то, каждый обед кусок оставляет! Перед сном Анги тихонечко помолилась за то, чтобы госпожа и дальше оста-

лась такая – шандарахнутая.

Глава 14

Утром Анги разбудила разоспавшуюся госпожу на утреннюю молитву. Ирэн с удовольствием оглядела комнату. Чистая узкая кровать. Слава богу – без пыльного балдахина. Оттого и спалось сегодня легко и сладко! В камине, что почти напротив кровати – уютно потрескивают дрова. Ширина у комнатки – всего метра три, а длина – чуть больше, метров пять, наверное. У узкого высокого окна, от которого тянуло прохладой – стол и два стула. А больше пока нет ничего. Даже платье её висит прямо на стене, за гвоздь зацепили. Ну, зато чисто и приятно. Анги помогла умыться-расчесаться, а потом, уже перед выходом, тихонечко шепнула:

– Вы, госпожа, ежели вдруг спросят, скажите, что вчера мы обе постились с вами. Так и скажите, мол, малым постом душу очищали.

Всё же Анги было жаль госпожу. Ежели и правду забыла, что соврать нужно, так святой отец на неё такую епитимью возложит, что всем тошно станет.

Всё было так же, как и вчера, кроме того, что по окончании проклятий в сторону грехов людских, отец Карпий принимал исповеди.

Завешанный расшитым полотнищем вход в особую комнату был незаметен. Первым туда попал лорд и пробыл не так и долго, затем – леди, которая освободилась так же быстро, как и муж. Сантию отец Карпий продержал уже подольше.

Питер сочувствующе вздохнул, даже пожал госпоже локоть, и Ирэн отдёрнула шторку. Коридор крошечный. Даже не коридор, а предбанник, метр на метр. Дверь со стеклянным окошком в верхней части. Таких дверей Ирэн здесь ещё и не видела. Там, за стеклом, неровно отблёскивают языки огня на факеле, кажется, что комната горит. Исповедаляня – маленькая, узкая, на скамейке отец Карпий раскинулся от стены до стены. Маленькие глазки, похожие на две изюмины в сыром тесте, уставились на неё.

– Как он ещё и не застревает-то здесь? – удивилась Ирэн.

А вот второго места для сидения не было. Зато на полу, у ног священника, лежала большая плоская подушка. Как-то вот само собой получилось – Ирэн встала на колени на эту самую подушку, перекрестилась, не так, как привыкла, а так, как здесь принято, и устоялась в пол. Приходилось ей и раньше исповедоваться. Ничего особенного. Расскажешь всё батюшке, он поворчит немного и отпустит, велев молиться. Здесь же она не успела даже рот открыть, как отец Карпий в нееёвцепился. Вопросы-вопросы-вопросы... И все такие... противные... с подковыркой!

– А не держишь ли ты, дева, гнева в душе на леди Беррит? Может, думаешь о ней худое?

– А не мучают ли тебя, раба божья, мысли окаянные о мужчинах и любви плотской? Сны не снятся ли странные и тревожные?

– А давно ли постилась ты, в угоду Господу? Часто ли молитвой душу очищаешь?

Ирэн отвечала не торопясь, тщательно обдумывая каждое слово. И что гнева нет на леди, а только благодарность за заботы и попечение. Что о мужчинах не думает, об этом, мол,

пусть папенька думает, как он решит, так и будет. А постилась она как раз вчера, малым постом, вместе со служанкой своей – душу очищали...

Недовольно посопев, отец Карпий велел ей молитву пятьдесят раз читать вечером, вместо ужина, перекрестил и отпустил. Только в коридоре, вдохнув полной грудью, Ирэн поняла, как долго дышала в половину нужного. От жадных глотков прохладного коридорного воздуха даже голова немного закружилась. Но по-другому не вышло бы – вблизи отец Карпий вонял невыносимо. Надо же, скотине этакой, столько чеснока жрать! И не мылся он, похоже, от самого рождения.

До вечера успели многое. Сперва завтракали, потом пришёл подросток лет пятнадцати от господина Буста, и Ирэн с Питером ходили в другую башню, в ткацкий цех. Был здесь, оказывается, и такой. Сания, разумеется, уже копалась в мотках и клубках под объяснения пожилой пухловатой женщины:

– Эти нитки, госпожа Сания, они на чулки хороши...

Там, кроме ниток готовых, ещё и шерсти чистой Ирэн выпросила немного. И ниток дали и льняных, и пуховых, и шерстяных, не слишком и толстых, и даже шёлковых разных-разных. Небольшой мешочек с нитками золотыми, такими, которые Ирэн выдавала швеям. Это и был тринадцатый сундук, что лорд велел собрать в приданое. Туда же добавили ещё и больших размеров мягкий мешок – с мехом разным. Господин Беррит лично принёс и передал в руки. Посмотреть толком Ирэн не смогла, но сверху видно было, что там и чернобурка есть, и, вроде бы, песцовые шкурки. Да и связка норковых торчала.

Ирэн прикинула – тринадцать сундуков от лорда, плюс свой, что в комнате стоит, плюс ещё две отдельные коробки с теми самыми вазами напольными. Получается, лорд дочерей по-богатому отдаёт.

В комнату перенесли сундук из общей и Ирэн, с небольшими подсказками Анги, шила себе платье. Обычное нормальное платье, с выточками и вшивными рукавами. Только из дорогой бархатной ткани. Носить такой кошмар, как леди Беррит, она не собиралась. Да и рукава привязывать к парадной одежде не стоит. Анги сидела рядом – шила себе тёплый жилет. Точнее, стегала. Носить ей её старый прогнивший ко-

жух Ирэн запретила. А в одном платье и простудиться легко. Потому госпожа выделила и ткани, и шерсти. Не хватало ещё, чтобы от сквозняков Анги слегла!

Между двух слоев холста уложили чистую шерсть, что Ирэн прихватила из ткацкого цеха. Как раз для такой вот жилетки. Питер сидел рядом с ними, вдевал нитки, подавал нужное и развлекал болтовнёй.

Кроме всего прочего, ещё утром, после завтрака, роясь в принесённом в сундуке, Ирэн обнаружила ещё и небольшой мешочек в углу. С монетами. Одна золотая, шесть больших, почти с её ладонь – серебряных и десяток огромных медных. Сейчас, размеренно работая иглой, она размышляла, как бы ещё обувью обзавестись? Ну, под венец идти в чунях – совсем уж стыдно будет. Просить лорда – боязно. Ну его, от греха... Идти к леди Беррит? Так про скуповатость мачехи в отношении чужих нарядов она уже знает. Наконец, она решила, что лучший вариант – господин Буст. К нему она с Питером и отправилась после обеда.

На удивление, быстро всё решилось.

– Завтра будет воскресная ярмарка в Ярге. После завтрака будьте готовы, госпожа Ирэн.

На следующий день, после молитвы и завтрака, от лорда-папеньки принесли кошелёк с пятью серебрушками и наказ докупить на ярмарке в приданое то, что не хватает.

Одеваться помогала Анги. Принесла из комнаты Сания подбитый мехом плащ суконный и с капюшоном. Сапоги, неуклюжие, но тёплые. Чулок заставила натянуть двое – сперва простые, потом, сверху – шерстяные. Ирэн чувствовала себя дура-дурой! Тяжёлый плащ без рукавов, похожий на плащ-палатку из фильмов про войну, сапоги чуть не по килограмму каждые. Сорочка, нижняя юбка, двое чулок и голая попа! Ну вот как так женщины ходят-то! И Ирэн, чуть переваливаясь, неуклюжей копной отправилась на улицу. Питер шагал рядом и люто завидовал.

– Я бы, госпожа, за вами покупки носил!

Ирэн бы и не против взять ловкого мальчишку, но ведь

простынет! На нём, конечно, суконный костюм и даже обувь кожаная, но ведь ни куртки, ни пальто нет! Шапки нет, рукавиц...

– Нет, Питер, я боюсь, что ты замёрзнешь.

Чувствуя в глубине души неуверенность Ирэн, Питер не только удвоил уговоры, но и прибёг к хитрости – он-то точно знал, что вот мама его не может смотреть, как он плачет, потому отвернул лицо от госпожи и тихонько всхлипнул.

– Я думал, может, родные приедут, я бы с ними повидался... – и голос жалобный-жалобный, вроде как, он с трудом слёзы сдерживает. Сработало и сейчас!

– Ох ты ж, горе ты луковое! Ну, пойдём назад, посмотрим, что можно придумать!

Анги удивилась, поворчала, но достала ещё одни чулки шерстяные.

– А вот плаща на него нет, госпожа... Ума не приложу, что делать.

– Шаль тёплая есть?

– В сундуке у вас старая-то, помните?! Вот, может её?

Ирэн, разумеется, не помнила, но ключ от сундука подала.

– Ищи давай, мне и не нагнуться в этом тряпье!

После таких сборов Питер напоминал теперь кочан капусты, с торчащими сзади, на уровне лопаток, хвостиками от завязанного крест-накрест платка. Зато он был совершенно счастлив!

Леди Беррит вышла к карете одновременно с Ирэн. Сания уже ждала внутри. Сопровождали жену и дочерей лорда десяток военных верхом. До ярмарки, в закрытой карете, Ирэн так ничего и не увидела – окно было занавешено в несколько слоёв тканью от холода. Хотя и мороза настоящего не ощущалось, так, градусов пять, не больше. Зато – солнышко и

яркий день!

Глава 15

Ехали до ярмарки не долго, но Ирэн вся испереживалась из-за Питера – внутрь кареты его не пустила леди Беррит. Да и Сания удивилась странному желанию сестры:

– С ума сошла?! Ладно летом, пажа можно в ногах посадить у нас! А сейчас – куда его?! Здесь и места-то нет!

Посадить его с собой рядом на сидение, очевидно, означало потрясение местных моральных устоев. Хотя места в карете хватало. На полу же кареты, закутанные в несколько слоёв мешковины, лежали кирпичи. На них нужно было ставить ноги и греть их. При таком лёгком морозе никакой особой нужды в этом не было, но тут не Ирэн было решать. Питер поехал на козлах, рядом с кучером. Сзади, к карете, прицепились ещё и два лакея. Но они хоть одеты были тепло, в подбитые мехом одинаковые суконные костюмы.

Рынок неприятно поразил Ирэн. Не столько скромным качеством товаров и довольно убогим выбором, сколько навозом под ногами. Нужно было смотреть и тщательно обходить

свежие кучи. Впрочем, дальше от входа, в рядах, навоза почти не было, там люди ходили пешком, за исключением пары всадников, которые, очевидно, поленились слезть с коня и теперь мучались сами в узких извилистых проходах между прилавками и мешали другим.

Самое же тяжёлое зрелище представляли собой люди. Многие, как и Питер, не имели тёплой одежды и кутались в некое подобие шерстяных пледов, перехватив их на талии широким ремнём. Деревянная обувь – огромные башмаки, набитые для тепла мхом, а иногда – даже соломой. Женщины были одеты и ещё хуже. Несколько раз Ирэн замечала у резво бегущих служанок с корзинами овощей голые ноги под юбками. Ужас какой! Если учесть, что под юбками вообще ничего больше нет, как они выживают-то?! Сейчас погода прекрасная, а вот что они делают в морозы и метель?!

Конечно, не все покупатели отличались убогой одеждой. Но тех, кто кутался в меховые плащи и накидки, кто не побоялся бы даже мороза – было меньше половины. Особенно много таких, тепло одетых, как заметила Ирэн, было у рядов с тканями. Там она даже заметила уже уходящего покупателя, на котором, кроме длинной тёплой шубы, был ещё и большой берет на голове, украшенный какими-то белыми

пушистыми перьями. Но у этого богача и лакей, следующий за ним, был одет тепло.

К продуктовым прилавкам даже подходить не стали. Впереди, перед леди Беррит, встали два солдата, которые принялись по очереди орать во всю глотку:

– Дор-р-рогу леди и дочерям лорда! Посторони-ись!

Люди торопливо освобождали проход, расходясь кто куда, и по пустому пролёту гордо шествовали леди Беррит, а за ней – Сания с Ирэн. Посмотрели ткани, кое-что прикупили, но совсем немного – такое или очень похожее сёстрам сложили в первые четыре сундука. Выбор же шерстяных и бархатных тканей был совсем маленький. Зато на одном из прилавков лежали несколько отрезков красивого шёлка. Тут и остановились.

Питер подёргал Ирэн за руку и, просительно заглядывая в глаза, сказал:

– Госпожа Ирэн, можно я сбегаю тут... по делу мне нужно...

Понимая, что паж хочет проверить, нет ли здесь его родителей, Ирэн согласно кивнула:

– Только не долго, Питер. А то ещё отстанешь. Подожди-ка... – она достала кошелек и отдала мальчишке медную монету. – Купи себе что-нибудь, ты заслужил.

Питер с минуту неверяще глядел себе в ладонь, а потом яростно покивал головой – мол, всё понял, так и сделаю – и исчез в промежутке между двух столов с товарами. Леди Беррит углядела ещё какую-то ткань и застряла, разворачивая её во всю ширину, Санти топталась рядом с ней, а Ирэн, в сопровождении двух солдат, свернула к обувному ряду.

Обувь была не просто страшной, она и сшита была странно – не на левую-правую ногу, а на какую-то среднюю. Такого дива Ирэн ещё и не видела – обе туфли, похоже, шились на одной колодке! Покрутила пару в руках – да такие пока разносишь – ноги сотрёшь! Но выбора особо и не бы-

ло, пришлось довольствоваться тем, что есть. Продавщица выскочила из-за прилавка, привычно бухнулась на колени на кучку соломы и помогла Ирэн натянуть это чудо, заглядывая в глаза:

– Сто лет будете носить, пресветлая госпожа! Моего мужа обувь на весь Ярг славится! И не пожалеете, такие удобные туфельки не каждый сошьёт!

Единственное, что Ирэн порадовало – валенки. Самые обычные валенки, которые ей доводилось носить ещё в молодости. Купила она сразу две пары. Одни, поменьше – себе, вторые – Анги, понимая, что у той наверняка нет дорожной обуви. Сунула покупку идущему за солдатами лакею и, оглянувшись, не увидела ни сестры, ни мачехи. Только где-то вдалеке взрёвывали солдаты:

– Дор-р-рогу леди и дочерям лорда! Посторони-и- ись!

Таскаться с ними по рядам Ирэн было скучно. Да и просто хотелось пройти и прицениться ко всякому разному. Хоть знать будет, что и сколько стоит. А то скоро ей в замке хо-

зайствовать, а она и не понимает, сколько придётся отдать за горшок или, например, за курицу. Так что, свернув от рядов с обувью, она пошла туда, где слышалось бление живности и звуки кузнечного молота. Можно будет узнать, сколько нож стоит, сколько – сковородка.

На Питера она наткнулась почти сразу. Он стоял у разложенного прямо на земле, просто поверх слоя соломы, товара – десятка шерстяных серых чулок и пары больших шалей, и разговаривал с пожилой женщиной, зябко потирающей покрасневшие руки. На чурбачке возле товара сидел одноногий мужчина, завёрнутый, как и многие, в старое подобие пледа. Деревяшкой он упирался в снег и уже проковырял несколько ямок. И тут до Ирэн дошло – это родители Питера. Тот самый упрямый отец и мать, которая вяжет и ведёт дом.

Почему-то резко защипало глаза и перехватило горло. Вся семья смотрелась как хрестоматийные нищие из старых детских книг. Серо-коричневая, дурно крашеная и вылинявшая одежда, помеченная штопкой и заплатами, отсутствие даже нормальных плащей или шуб, озябшие, изработанные руки женщины...

Тряхнув головой, она решительно прошла мимо и на ходу

велела Питеру:

– Иди за мной!

Что-то торопливо договорив матери, Питер припустил за госпожой, не слишком понимая, чего вдруг понадобился-то так срочно?! Сама же отпустила, а теперь сама же и не дала поговорить!

В скотном ряду он долго не мог понять, чего госпожа добивается. За каким вдруг ей корова-то понадобилась?! У лорда Беррита целый скотный двор своих. И ведь купила, на какую он показал – молодую ещё, но уже рожавшую. Крепкую и сытую, с белой звёздочкой во лбу. Аж две серебрушки отдала! Сама, правда, подойти к животине на захотела. А может и побоялась, кто их, благородных госпож, разберёт-то? Верёвку, что петлёй была накинута на рога коровы, подала ему, Питеру, в руку. А потом случилось то, что даже через несколько лет вызывало у него, при воспоминаниях, оторопь от невозможности события – госпожа подошла к его отцу, вежливо поклонилась и, разговаривая с лордом Фетингом, потребовала, прямо вот взяла и потребовала – нанять в дом батрачку!

Питер помнил слёзы на глазах матери, нахмуренного, плохо соображающего отца, который всё переспрашивал госпожу:

– Так это... не в аренду, значит? Прямо вот насовсем наша?! И, ежели захочу, можно, к примеру, продать её? И деньги мои будут, а не ваши?

– Вот что хотите, лорд Фетинг, то и делайте. Хоть на отбивные её пустите. Если условие моё выполните.

– Так не хитро выполнить, пресветлая госпожа. Только вам-то с того какой прибыльок?!

– Это я так награждаю за верную службу сына вашего, Питера. До моей свадьбы отец приставил его ко мне в помощь, и я им очень довольна, лорд Фетинг.

И какой-то растерянный, неверящий взгляд отца на него, как будто он даже усомнился, что Питер – это его сын. А она, из какой-то своей прихоти, что ли, снова достала кошелёк и оттуда – целую серебрушку, ещё одну. И отдала лорду Фе-

тингу со словами:

– Это вот корове на сено. Вы ведь, лорд, не запасали на зиму? Ну, так вот, возьмёте и купите. Не голодом же животину морить.

И лорд снова закивал головой, подтверждая слова госпожи – конечно, не голодом же морить!

В руки леди Фетинг Ирэн вложила ещё одну серебрушку, объяснив лорду, под его послушное кивание, что это – на шерсть для батрачки, после чего схватила ошавевшего Питера за руку и, даже не дав выслушать похвалу от отца за такую отличную службу, потащила его за собой к карете, что-то раздражённо бормоча под нос себе и вытирая слёзы. И чего ревела, непонятно? Всё же хорошо стало!

Уже у кареты госпожа немного успокоилась, выдохнула и снова достала кошелёк. По медяшке досталось лакею и обeim солдатам с наказом ничего никому не рассказывать! И они, так же, как и лорд Фетинг, послушно закивали головами, благодаря за неожиданный дар и бормоча, что – конечно,

никому и никогда, бог свидетель! Тут, конечно, Питер сильно усомнился – в лучшем случае промолчат до тех пор, пока госпожа из замка не уедет с мужем.

Ждать леди Беррит и Санию пришлось долго, но госпожа забила в карету и Питера туда затащила. Так и сидели у остывающих кирпичей, грелись.

Зато дома, в замке, застали большой переполох, и никто толком не мог объяснить, что случилось, пока не поднялись к себе в комнату. Там взволнованная Анги сообщила, что прибыл гонец к лорду и привёз известие – через четыре дня женихи прибудут объединённым отрядом. А пока они гостят в замке лорда Матео и раньше, чем через два дня оттуда никак не выберутся. Лорд Матео славился своим гостеприимством.

Глава 16

За четыре дня, что оставались до приезда будущего мужа, Ирэн успела проделать огромную работу. Хотя большая часть этой работы состояла в разговорах и обучении, но пришлось и ручками поработать, украшая платье для свадьбы и дошивая то, в котором собиралась знакомиться с женихом.

Ирэн твердо решила, что изо всех сил постарается мужу понравиться, наладить с ним контакт. От этого зависел её комфорт, её положение в местном обществе, её жизнь, в конце концов. Значит, она должна выглядеть так, чтобы вызвать у мужа симпатию и интерес. И уж она-то очень-очень постарается! Даже вспомнила пару фокусов времён своей молодости и решила их применить.

На второй день пригласила к обеду мадам Векс и дотошно выпросила у неё всё, что мадам смогла рассказать об устройстве замка. Конечно, пришлось сослаться на некоторую потерю памяти, намекнув мадам, что в случае утечки информации лорд Беррит будет очень сильно гневаться. Впрочем, мадам не производила впечатления легкомысленной болтушки. Она сперва удивилась, потом поняливо по-

кивала головой и, кажется, вполне искренне постаралась рассказать о том, что хотела знать госпожа Ирэн. Похоже, это была своеобразная «сдача» за колечко. Ну, в самом-то деле – дороговато получается, за золотое колечко получить возможность один раз вымыться.

Сведения оказались очень непривычными для Ирэн. Только сейчас к ней пришло понимание, что в этом мире нет заводов, нет избытка товаров, нет поточного производства. Просто ещё не пришло время для таких благ цивилизации. И если тебе нужно мыло – ты должна уметь сварить его, если тебе нужно платье – или шей сама, или плати мастеру. И стоить это будет дорого всегда – ручная работа, никуда от этого не денешься, станков с программным управлением ещё просто не изобрели.

Конечно, в замке производили не всё. Например, бархат, шёлк или парча – это нужно было покупать. Так же, как, допустим, благовония и специи. Но всё это – предметы роскоши. А основные, необходимые ежедневно вещи и услуги можно получить и в самом замке. Бельё в прачечной стирают. В замке есть свой брадобрей и куафер. Ирэн не поняла странного слова, но мадам объяснила, что куафер – мастер по причёскам.

– О, конечно, он не настоящий мастер, не такой, как в моей родной Франкии! Но он умеет подстричь мужчину, умеет сбрить бороду и завить усы. Хотя, безусловно, в основном он стрижёт солдат – многие не хотят носить длинные кудри. Жаль, очень жаль – это так прелестно и романтично! – мадам тяжело вздохнула над грубостью окружающего её мира.

– Мадам Векс, а кто укладывает волосы, например, вам или леди Беррит?

– Разумеется, причёски леди делает её любимая горничная. А мне – мадам аккуратно прикоснулась пальцем к завитому локону на виске – приходится делать это самой. Моя горничная – простая деревенская девка, вроде вашей Анги.

Ирэн покосилась на сидящую рядом Анги с шитьём в руках, которая сделала вид, что ничего не слышит, и продолжила задавать вопросы.

По рассказам мадам Векс выходило, что каждый замок, например, такой, как у её отца, старается сам наладить производство всего, чего только можно. У лорда Беррита в зам-

ке, кроме ткацкого цеха, были ещё и другие мастерские. Сапожная – там шили обувь для солдат и для самой важной обслуги. Например, для самой мадам Векс или господина Буста. Хотя туфли для себя и лорд, и леди предпочитали заказывать или покупать в городе на ярмарке – там мастера были получше. Швейная – обшивали и леди с лордом, и всю прислугу, и солдат. Конечно, для своих одежд леди выбирала мастериц получше. Была даже крошечная, всего из одного мастера и одного подмастерья, скорняжная. Там выделывали шкуры, кроили и шили из меха по заказу лорда и леди. Ну и иногда – для остальных.

Был свой коптильный цех. В замок каждую осень свозили зерно, овощи, всё, что можно хранить и есть зимой. Подвалы были полны бочек с вином, погреба – сыров и репы, моркови, лука... Недавно вот ещё появился модный овощ – картофель. За сохранностью продуктов следили специально. Случись что...

– Случись что, – мадам Векс набожно перекрестилась – будет осада замка или поветрие чумы – можно запереться и долго-долго прожить на своих запасах.

– Мадам Векс, скажите, а кто варит мыло у нас в замке?

— Разумеется, я лично слежу за этим! — похоже, мадам удивил этот вопрос.

Ирэн понимающе улыбнулась и спросила:

— Я не хотела бы показаться будущему мужу неумелой хозяйкой. Вы не могли бы помочь мне? Я буду очень благодарна!

Мадам Векс чуть поморщилась:

— Госпожа Ирэн, понимаете, следующий раз варить мыло я буду совсем не скоро. Осенью в замке пополнили запас и сейчас в этом просто нет необходимости. Мне очень жаль...

— Мадам Векс, но мне вовсе не нужно показывать, как вы за один день наварите мыла на весь замок! Достаточно сварить один кусочек и всё.

Мадам призадумалась, потом согласно кивнула головой.

– Я поняла вас, госпожа Ирэн. Если хотите, мы сможем сварить с вами два-три куска хорошего душистого мыла. Делать его немного сложнее, чем простое, для стирки, но я готова поделиться секретом. – После этих слов мадам так значительно посмотрела на Ирэн, что девушка машинально встала из-за стола, подошла к висевшему на стене плащу, пошарила в кармане и вынула кошелёк. Немного подумав, золотой не тронула – достала серебряную монету.

Мадам одобрительно покивала, монета исчезла в небольшом вырезе платья, и сообщив, что завтра вечером прийдёт за Ирэн горничную, она удалилась. Пол коровы, как понимала Ирэн – это очень много. Но учиться всё равно нужно. А уж мыло – вообще предмет первой необходимости. Особенно, если вспомнить, что мадам Векс упоминала чуму.

– Анги, не обижайся на мадам. А причёски я тебя делать научу, если ты захочешь. – Ирэн ясно видела, что Аги чем-то расстроена.

Анги посмотрела на свою госпожу почти с сожалением.

Вот как ей объяснить, что зря она этокое богатство вертихвостке отдала? Нет, конечно, сама Анги душистое мыло сварить бы не смогла, но ведь простым можно обойтись! Вон, в ковшичке жижа эта – отлично всё моет и стирать ей можно. А уж такое-то любая баба деревенская сварит!

Впрочем, теперь уже возмущаться было поздно – монету мадам не вернёт, хоть на куски ее порежь. Так что пусть уж госпожа идёт и учится, раз заплачено! Но вечером нужно обязательно будет перед сном поговорить с госпожой, да поучить её экономии! А то так и изведёт всё приданое на ерунду! А причёски... Ну, охота ей – пусть поучит. Хотя, как казалось Анги, тот бурдюк, что леди Беррит на голове носила, только дуручка себе захочет. А госпожа, пусть и странная стала, но, вроде как – не совсем дура-то. Так, малость только... Но за подарки, да за тепло и еду досыта, уж Анги-то за ней присмотрит! А за доброе отношение – никому в обиду не даст!

Был и тяжёлый разговор с Питером. Ирэн привязалась к мальчишке, иначе даже не стала бы и речь заводить о визите к лорду Берриту.

– Питер, я тут подумала... Может быть, сходим к лорду и попросим его отпустить тебя со мной?

Питер приуныл – леди, конечно, столько сделала для него, что никаких сил отблагодарить её не хватит... Только вот она вроде как и не понимает, что Питеру уже двенадцать. Питер-то бы всей душой хотел остаться при госпоже! Только вот ни один лорд в здравом уме не позволит такого взрослого парня при жене держать. Пришлось объяснять ей, как маленькой, ей-богу, у Питера аж голос срывался – так расставаться не хотелось!

– Я бы, госпожа Ирэн, с радостью бы... Только ведь муж ваш... Ну, сколько он терпеть станет? Полгода, может год. А потом что? Определит меня на конюшню. Я так-то бы и не против, но ведь и вам служить уже не смогу, и судьбы мне никакой не будет!

– Почему муж не разрешит? – Ирэн искренне удивилась.

– Так ведь взрослый я уже! – серьёзно сообщил Питер – В таком возрасте никто меня при госпожах держать не станет!

– А здесь что с тобой будет?

—А тут, у лорда Беррита, меня хотели в помощники к Персу отправить, как ещё подрасту. Когда я последний раз у лорда-то был, он мне сам сказал — «Старайся, дескать, Питер, отдадим обеих госпож замуж — я тебя к делу приставлю». Так вот и сказал!

— К Персу? Это кто, Питер?

— Это помощник господина Буста. Ну, видели вы его, парень такой взрослый уже! Помните?

— Да, помню. Он приходил с приглашением от господина Буста.

— Вот! Господин-то Буст не слишком здоров и уже возраст у него... — Питер покрутил в воздухе руками, пытаясь объяснить, какой именно большой возраст у Буста — А как совсем состарится — так на его место Перс и встанет, потому как племянник он евонный. А я у этого самого Перса и буду помощником. Ну, ещё, наверное, не очень скоро... Я бы, лучше, в солдаты пошёл, конечно. Только вот мама очень плакала и просила не ходить.

Мысли о встрече с будущим мужем мешали Ирэн спать.

Вечером она долго ворочалась под поучающее бурчание Анги:

— ...дело обыкновенное! А вы раз — и цельную серебрушку! Мыслимо ли так-то раскидываться отцовским подарением?! А вот мне бы сказали, что вам такое надобно, я бы вам за медяк или два у горничных-то ейных всё и выпросила. Вы что ли думаете, она сама ручки пачкает?! Ан нет! Стоит только рядом и командует. А делает-то все или Шанта, или Ката. Неужели бы они не сказали за деньгу-то?!

В процессе варки мыла ничего сложного не оказалось. Единственное неудобство — хорошее мыло дозреть должно. Это не быстро получается, потому лучше про запас всегда делать. Монету мадам Векс отработала честно — показала пару секретов, как с помощью кусочка шёлковой ткани и травяного отвара улучшить мыло.

Женихи приехали только на шестой день, предварительно прислав гонца, что задержатся. К этому времени госпожа Ирэн впала в какое-то странное оцепенение. Вроде как всё равно ей стало, что да как, какой он, муж будущий... Анги же, узнав отчего за дверью зашумела и забегала прислуга,

потянула её в коридор, бегом-бегом по лестнице, потом ещё один поворот...

Ирэн стояла у несколько запотевшего окна и смотрела, как во дворе, полном спешивающихся всадников, отчётливо выделяются двое. Оба выше среднего роста, один – полный громогласный брюнет, с усиками и аккуратно подстриженной бородкой. Даже сквозь стекло слышен гулкий голос, которым он отдаёт команды. Второй – с красноватым обветренным лицом и рыжей бородой. Оба роскошно одеты – бархатные плащи, подбитые мехом, огромные береты, сдвинутые на одну сторону, похожие на тот, что Ирэн видела на богатом покупателе на ярмарке. Даже упряжь их коней отличалась от солдатской большим количеством надраенных медных бляшек, какими-то кисточками, ленточками и прочими излишествами.

Здесь и нашла их взволнованная Шанта:

– Госпожа! Госпожа Ирэн! Лорд Беррит приказал, чтобы ужинать вы шли в зал!

Ирэн махнула рукой:

– Ступай, Шанта, я тебя услышала...

Глава 17

До ужина оставалась ещё прорва времени. Ну, оно и правильно. Пока гостям с дороги ванны приготовят, пока отмоются они да переоденутся в нарядное – как раз к тому времени на кухне всё будет к пиру готово. Странно-равнодушное состояние госпожи так встревожило Анги, что та послала Питера на кухню за отваром. Она уже давно заметила, что госпожа вино разбавленное не любит, предпочитает настой травяной, обязательно горячий.

После чая Ирэн немного оживилась. Питер сбегал ещё раз на кухню, воды горячей кувшин принёс, и выгнала его Анги из комнаты – госпожу собирать надо. Волосы мыли только вчера вечером, а потом в косу уложили, так что никакой причёски госпожа Ирэн делать не велела. Просто протерла ей Анги тело полотенцем, что в горячей воде намочила. Приготовила сорочку чистую и платье новое. Туфли когда надевала на госпожу – та аж поморщилась. А чего, спрашивается, ей морщиться? Новые туфли-то, красивые. Госпожа ещё вчера придумала на них бантик из клочка парчи сделать – совсем хорошо вышло!

Платье на госпоже Ирэн из сукна тонкого, ярко-голубого, вставку сделали из серебряной парчи. И воротник, и манжеты лунным блеском переливаются. Конечно, фасон не сказать, чтобы по моде. Леди Беррит совсем другое носит, но Анги видит – госпожа красивая в этой одежде. Волосы у неё густые, волнами идут, Анги их расчесала до шелковистой гладкости и так и оставила распущенными. А сверху, для скромности, белую вуаль накинула, тонкую, почти прозрачную, серебряной же ниткой вышитую по краю. И обруч госпожа не золотой выбрала в ларце, а под стать отделки на платье.

А дальше Ирэн села у ларца, открыла, чтобы в зеркало посмотреться, да и заявила:

– Питер, будь добр, с поленьев отщипни мне пару щепочек.

Питер повозился у корзины с дровами и подал госпоже несколько маленьких деревянных лучинок.

Анги смотрела с любопытством – понять не могла, что

это госпожа придумала. А она щепки эти в камине опалила немного, да и затушила сразу, как кончик обгорел. А потом села у зеркала, и давай себе этими щепками в глаза тыкать! Этакого Анги ещё и не видела. Зато потом, как лицом госпожа к ней повернулась, заметила, что...

Как и сказать-то – непонятно! Красивее, что ли, госпожа стала?! Присмотрелась к ней, пытаюсь понять, что изменилось, и с удивлением поняла – госпожа на глазах, вот прямо в том месте, где ресницы растут, начертила линии тонкие. И, вроде как, от этого и глаза больше стали казаться, и ресницы длиннее! Надо же! Ну, ничего! Вот будет праздник пресветлый – Анги себе тоже такое нарисует! Хитрого-то и нет ничего, а как красиво вышло!

Ирэн заметила и удивление, и любопытство служанки и усмехнулась. Конечно, ей и самой теперь странно, что женские хитрости из прошлой жизни пригодились. Когда ей восемнадцать лет стукнуло – тушь в магазине и не купить было! Чем только тогда не красились. Даже, помнится, варили тушь сами. Из хозяйственного мыла и штемпельной туши. Не дай бог, такая в глаза попадёт – наревёшься, да и глаза красные будут*. Впрочем, сейчас не до воспоминаний. Надо бы хоть чем-то руки занять до ужина. Ждать ещё долго, а

если всё время думать о встрече с женихом...

Больше всего Ирэн сейчас хотелось спрятаться и никуда не ходить. Страшно ей было. Просто страшно. Кто знает, какой он будет, этот самый муж? С лица, конечно, не воду пить... А вот с характером его всю жизнь придётся прожить. А если совсем уж мерзкий окажется?! А самое ужасное, что и разводов-то здесь нет...

Большим усилием воли Ирэн оборвала эти мысли, понимая, что сейчас просто разрыдается. Нет, пусть она и не сможет браку противиться, пусть и нет у неё выбора, но поладить с мужчиной нужно стараться изо всех сил. Потому Ирэн взяла в руки недошитое платье для Анги и стала подшивать подол, а чтобы мысли дурные не грызли, тихонечко напевала старую-старую песню:

– Каким ты был, таким ты и остался, орёл степной, казак
лихой...

Допеть не дала Анги.

– Госпожа, что это за язык-то такой?

Только тут Ирэн сообразила, что поёт на русском. Сообразила и растерялась...

– Это... Это... это и не язык никакой, Анги... Просто мелодия придумалась мне. А языков, кроме нашего, я и не знаю.

Анги смотрела с подозрением. Ну, пусть даже не подозрение, пусть просто – настороженность. Вот нужно же было Ирэн так забытья?! Пока она ругала себя всякими словами и переживала, не подумает ли Анги худого, не сочтёт ли, что госпожа с ума сошла, руки сами собой клали стежок за стежком, а потом в дверь постучали, и лакей известил, что лорд Беррит ждёт дочерей в большой зале.

Зал Ирэн показывал Питер, пару дней назад, но, разумеется, сама бы она его и не нашла – слишком много было помещений, чтобы так сразу всё запомнить. Поэтому Питер и на ужин отправился с ней вместе – пажу позволялось сидеть

у ног госпожи.

Зал, днём пустой и гулкий, сейчас был наполнен людьми. Длинные столы были выставлены в виде большой буквы «Т». За короткой перекладной, что стояла на крытом ковром возвышении, уже сидели лорд Беррит и его леди, рядом с ним – несколько свободных мест, с краю перекладки – отец Карпий, мадам Векс и последний – господин Буст. С другого краю – трое мужчин. Один из них – тот самый, тощий как щепка, со смешными усами и козлиной бородкой, что позволил себе смеяться над лордом, обзывая его подкаблучником. Ирэн так и не успела узнать, кто это такой – служащий лорда или гость.

Сания уже сидела за столом рядом с леди Беррит. На леди было очередное трёхцветное платье жёлто-зелёно-фиолетовое. Сания оделась в том же стиле, но несколько скромнее в плане цвета – её наряд был коричневый с оранжевым. Рядом с ними Ирэн почувствовала себя как воробей в стае павлинов. Может быть, стоило присмотреться к местной женской моде? Сестра окинула платье Ирэн презрительным взглядом, хмыкнула и повернулась лицом к леди. Питер отодвинул тяжёлое кресло и помог усесться Ирэн.

Сейчас она остро ощущала свою чуждость и этому месту, и этим людям. Дамы между собой обсуждали свадебный наряд какой-то леди, дружно порицая её безвкусный выбор.

Стол был уже частично сервирован. Блюда с хлебом и пирогами, пирамидки варёных яиц, круглые головки сыра, большой свиной окорок с воткнутыми в него крест-накрест двумя ножами, несколько стеклянных графинов с разного цвета винами. Графины с вином стояли перед мужчинами. В маленьких плошечках – зубчики очищенного чеснока, соль, перец. Хотя, на вкус Ирэн, перца и так во все блюда добавляли с излишком. В разных концах стола – две огромные вазы с яблоками и грушами. Перед каждым стояла тарелка, лежал красивый кинжальчик с камушками в ручке и такая же двузубая массивная вилка, стоял тяжёлый кубок на высокой ножке. Перед женщинами вместо вина – розоватая бурда. Ирэн уже знала, что простую воду здесь не пьют, пьют или легкое пиво, или вино. Обычную воду считали вредной и пили её только слуги и крестьяне – дамам полагалось разбавленное вином мерзкое пойло.

Трапеза ещё не начиналась – все чего-то ждали. Ирэн рассматривала сидящих за нижним столом. Слуги, судя по

одежде – не из самых простых. Во всяком случае, платьев из холстины, какое было на Анги в день знакомства, никто не носил. Одежда была из чёрного и серого сукна, крашеного в синий и коричневый цвета полотна, кое на ком – даже из шерстяных тканей. Военные тоже, похоже, не солдаты, а капитаны. Женщин совсем мало. Она узнала только одну – ту пожилую толстушку, что заведовала ткацким цехом.

Наконец, солидный крупный лакей зашёл в зал и громогласно объявил:

– Лорд земель Сапширских, пэр Англитании, владетель Эрского замка, граф Эронский, Жан-Крайт Мостеро!

В зал вошёл тот самый громогласный брюнет, одетый в бело-чёрно-алый костюм. Тут присутствовала и шахматная клетка на коротком жакете, и косые полосы разных цветов на чулках, и короткий алый плащ, отороченный чёрным мехом. Штаны его больше напоминали не слишком плотные колготки, шорты-буфы вздувались шарами. Выглядел он, на вкус Ирэн, довольно смешно. Чёрная жидкая борода оттеняла белую кожу, тёмные глаза чуть на выкате, сквозь короткую стрижку виднеются залысины на лбу. Лет тридцать, не

меньше, как определила Ирэн. Впрочем, рассматривать особо было некогда. Брюнет прошёл половину зала и тут лорд Беррит, а за ним и все остальные, встали из-за стола. Гость поклонился всем вставшим и замер, дождавшись следующего вопля:

– Лорд земель Норгертейских и Моройских, пэр Англи-
тании, владетель замка Моронго, граф Моройский, Ричард
Норгертский!

Одежда рыжего лорда отличалась большей сдержанно-
стью и в цвете, и в фасоне. Серый бархатный костюм, без
чулок и без надутых штанов – почти обычные узкие брюки.
Чуть удлинённая куртка, поверх – тёмно-синий плащ с бе-
лой опушкой, немного ниже колен. И вместо смешных туф-
лей-лап – простые чёрные сапоги. Тёмно-рыжие волосы ко-
ротко острижены, грубоватое костистое лицо, яркие голубые
глаза. Он так же, как и первый лорд, поклонился стоящим
за высоким столом людям, выпрямился и внимательно, даже
не скрываясь, оглядел Ирэн и Санию. На вскидку – года на
два-три старше чернявого лорда.

И та, и другая почувствовали этот взгляд – не наглый, но

какой-то оценивающий. Тем временем, лорд Беррит произнес что-то вроде короткой приветственной речи и начал по одному называть людей, сидящих за высоким столом. Когда очередь дошла до сестёр, то при словах лорда Беррита:

– ... и дочерей моих, госпожу Санию и госпожу Ирэн... – она заметила, что рыжий лорд кивнул графу Эронскому и получил ответный кивок. Лорды поклонились всем собравшимся ещё раз и наконец-то уселись за стол рядом с лордом Берритом. Ирэн выдохнула, понимая, что пока получила передышку.

В зал вереницей скользнули слуги, неся под серебряными крышками горячие блюда – целые тушки жареных кур, двое внесли огромное блюдо с целым запечённым барашком. Его выставили на небольшой стол сбоку от обеденного, и один из лакеев принялся нарезать тушу на части. Каждую порцию подносили лорду Берриту, и он громко называл, кому её следует поставить. Первыми свою порцию получили женихи. Последними – мадам Векс и господин Буст. Ирэн получила свою прямо перед мадам. В отдельных соусниках поставили на стол что-то резко пахнущее мятой.

Гости ели, произносили тосты, отец Карпий, сидящий довольно далеко от Ирэн, что-то недовольно выговаривал лакею. Ирэн медленно жевала, не зная, как и о чём разговаривать с Санией – сестра даже не поворачивала голову в её сторону...

Глава 18

Дни, предшествующие свадьбе, тянулись и тянулись, а потом вдруг р-р-раз – и закончились...

За спиной Ирэн остались три дня поста, когда из еды ей приносили только кусок чёрного хлеба и воду. Если бы не Анги, что тайком притаскивала ей в кармане фартука то варёное яйцо, то ещё теплый кусок пирога, завернутого в чистую тряпицу, то бог знает, как бы она этот самый пост выдержала – есть хотелось всё время. Ирэн и так была излишне худощава. Кажется, Анги воровала это на кухне, но Ирэн даже не думала её стыдить. В этом теле у неё было не только отменное здоровье, но и такой же отменный аппетит. Да и не будучи человеком религиозным, она не понимала ни физической, ни духовной пользы поста.

Питера к Ирэн больше не допускали, он снова служил у лорда. Ирэн скучала по мальчику, но понимала, что он прав, не желая следовать за ней. Здесь, в замке, у него есть перспективы. Разумеется, лучше мальчишке быть помощником эконома, чем конюхом. А она ещё и сама не представляла, как сложится её судьба в замужестве, потому и не могла обе-

щать Питеру хоть что-то.

Позади остались и бесконечные беседы с отцом Карпи-ем, после которых хотелось проветрить комнату и вымыться. Всё же у святого отца что-то неладно с психикой. Ну не может же нормальный человек без конца говорить и думать гадости об окружающих?

Позади осталась даже беседа, которой удостоила её леди Беррит, в довольно циничных выражениях объяснившая ей, что именно муж будет с Ирэн делать и почему нельзя сопротивляться. Предварительно леди выгнала из комнаты всю прислугу и «страшные тайны» открыла только Сании и Ирэн. В общем-то, и без её рассказов Ирэн прекрасно знала, чем именно взрослые люди занимаются в постели, но мысль, что спать придётся с совершенно незнакомым мужчиной, заставляла её краснеть и бледнеть так, что леди пожалела её:

– Ирэн, ничего страшного в этом нет, поверь мне. Зато от этого у тебя родится ребёнок. И если ты сумеешь родить мужу сына, то и обеспечишь себе особое положение! Главное – не спорь и не сопротивляйся!

Сания перенесла беседу гораздо спокойнее. Ирэн заподозрила, что для сестры эти откровения не были новостью. Возможно, видела, как этим занималась прислуга. Или кто-то рассказывал ей раньше. Вмешательство леди было неприятно, но Ирэн даже нашла в себе силы поблагодарить мачеху. Похоже, та искренне считала, что это её долг – подготовить падчериц.

Сейчас, стоя в свадебном платье и золотом венце на голове, ожидая, когда её позовут в церковь, она уже знала, что её мужем будет тот рыжий лорд, которого зовут Ричард. И изо всех сил старалась найти в нём хоть что-то хорошее, кроме относительно приличного костюма. После первого торжественного ужина она видела жениха ещё только один раз – в комнате, где присутствовали неизвестные ей мужчины, лорд Беррит и его жена, а так же двое в чёрном, которых она назвала про себя «чиновниками».

Бог знает, как они назывались на самом деле, эти мужчины, но один из них, невысокий пожилой толстяк в простом суконном костюме, на котором из украшений был только большой медный медальон с каким-то вычеканенным гербом, протянул своему помощнику стопку листов и заставил

читать вслух. Ирэн догадалась, что это — её брачный контракт. И заодно узнала, что её личной собственностью является только то, что лежит в сундуках. Был прочтён подробный перечень тканей и украшений. Теперь она понимала, что именно записывал господин Буст, когда они с Санией набивали сундуки.

Сумма же в пятьсот золотых львов переходила во владение лорда Ричарда. Он, внимательно выслушав всё, что зачитал чиновник, согласно кивнул головой, а потом принялся подписывать бумаги. Каждый лист тут же переходил к лорду Берриту, который, в свою очередь, ставил на документе свою подпись. После них расписывались свидетели, потом старший чиновник открыл большой тяжёлый том, внёс туда порядковый номер договора, дату заключения, дату свадьбы и титулы жениха и невесты. Так Ирэн узнала, что она сейчас — младшая виконтесса Беррит, а после свадьбы станет графиней Моройской и Норгертской, и снова все расписывались по очереди. Всё это заняло довольно много времени.

Самое забавное, что под этой кучей документов не было ни одной её подписи. Отец отдавал её замуж, муж забирал. У самой Ирэн мало того, что никто ничего не спрашивал, так ещё и подпись её, судя по всему, никому не нужна. Такое от-

ношение как бы подчёркивало её полное бесправие. Кроме того, её будущий муж всё это время внимательно слушал чиновника, перед тем как подписать каждый лист – обязательно просматривал его и совершенно не обращал внимания на Ирэн. Похоже, сама по себе, без этих пятисот золотых львов, она его вообще не интересовала. Ирэн так и не поняла, зачем её и леди Беррит, сидящую рядом с ней всё это время, вообще пригласили сюда.

Как мало времени у неё было на то, чтобы привыкнуть к этому миру! Сегодня, уже сейчас, будет венчание и всё вокруг снова изменится. Её ждет новый замок и новые люди. Знать бы ещё, как к ней там отнесутся. Но она будет очень-очень стараться. Будет вести хозяйство, всему научится, ведь выучилась же варить мыло! Разберётся с прислугой и прочими заботами. Кроме того, всегда можно будет спросить совета у Анги. Пожалуй, она здесь – единственный человек, кроме Питера, кому есть до Ирэн хоть какое-то дело.

В дверь громко постучали, и Анги распахнула её...

За спиной Ирэн встали двое солдат, капитан с факелом – перед ней, и такой группой они двинулись в домашнюю

церковь...

От дня собственной свадьбы у Ирэн остались яркие, но очень отрывочные впечатления.

Вот они стоят перед отцом Карпием, слушают монотонный голос, пугающий всякими гадостями «за грехи мерзостные и сущность скотскую», его рассуждения о покорности жены мужу своему и господину... Рядом, в трёхцветном платье, стоит Сания, и понятно, что ей тоже страшно – периодически она ищет в складках ткани руку Ирэн и сжимает её...

Вот прозвучало обязательно – «да» низким голосом жениха, и Ирэн отвечает таким тихим шепотом, что отец Карпий хмурится и переспрашивает...

Они идут по проходу в пиршественный зал, нарядные гости стоят в две шеренги вдоль широкого коридора, что-то приговаривают – то ли поздравляют, то ли чего-то желают, Ирэн не понимает ни единого слова, всё сливается в какой-то странный гул...

Сания с мужем первые, но на долю Ирэн и лорда Ричарда

тоже достаётся огромное количество горстей какой-то крупы, и перед входом в зал она, Сания и их мужья некоторое время отряхиваются, выбирая застрявшие в складках одежды мелкие зёрна ...

Гул голосов в зале смолкает, сегодня здесь нет слуг за нижним столом, только гости, и их очень много... Из-за высокого стола встаёт какой-то дорого и смешно разодетый старичок и бормочет поздравления новобрачным...

Очень хочется есть, но Ирэн боится, что её просто вырвет от нервного напряжения... Иногда она замечает, что голубые глаза мужа смотрят прямо на неё, и тогда сердце, как ей кажется, вообще перестаёт биться... Впрочем, муж делает это не слишком часто.

После праздничного обеда – перерыв, и все идут в одну из соседних комнат. Здесь, разложенные на столах и скамейках с двух сторон комнаты, лежат подарки под охраной шести солдат. Гости требуют вскрыть и показать. Сперва этим занимается старшая сестра, разворачивая рулоны тканей, откидывая крышки ларцов и шкатулок. Гости гудят, обсуждая дары... Ирэн смутно помнит один из подарков со своей по-

ловины – ларец, где лежат два серебряных ножа и две вилки...

Горничные сегодня чужие – Анги к ней не пустили... И отводят её не в свою комнатку, к которой она уже немного привыкла, а в большую комнату с двумя окнами. Здесь огромная кровать под парчовым пологом и уже приготовлена тёплая вода, огромная простынь – вытереться, тёплый халат и тонкая батистовая сорочка. Ирэн раздевают, моют, расчесывают так, как будто она не человек, а просто большая кукла. Одна из горничных как-то неловко шутит и тут же получает оплеуху от старшей... Шутки Ирэн всё равно не поняла, но две девушки помоложе хихикают...

На столе, покрытом парчовой скатертью – ваза с фруктами, блюдо, закрытое крышкой, графин с вином и два кубка, горят подсвечники. В каждом – по три свечи. Уходя, старшая горничная тушит их все и теперь комнату освещает только камин...

Муж появился так тихо, что она даже не заметила, что в комнате она уже не одна. Он улыбается ей и начинает раздеваться, совершенно не испытывая смущения. Ей неловко,

она старается не смотреть, но, бросив взгляд украдкой, видит, что он крепкий, ширококостный, огромный... рыжеватая шерсть на груди и руках... Больше она смотреть не решается...

Слышит, как он подходит к столу, наливает из графина и гулко глотает – похоже, его мучает жажда...

Пожалуй, она даже не могла чётко сформулировать, что именно её добило. Муж не был груб. Боль была ожидаема и вполне терпима...

Правда и ласков он не был. Приказал снять сорочку. Когда она, от смущения, схватилась за ткань и зажала её в руках, он просто разорвал тонкий батист и толкнул её на подушку...

Когда-то давно у неё уже была первая брачная ночь. Пожалуй, по неопытности, Андрей ей сделал гораздо большее, чем этот...

Только вот тогда они были влюблены и она готова была терпеть, а он целовал и утешал её после, просил прощения

и говорил, какой он счастливый, какая она красавица и как он её любит...

Муж спал, тихонько похрапывая рядом, а Ирэн плакала, стараясь не всхлипывать и не сорваться в вой...

Глава 19

Дверь в спальню распахнулась, Ирэн даже не успела вытереть слёзы с лица, только подтянула на себя одеяло...

В комнату с шумом вошла довольно большая компания народу – лорд и леди Беррит, две дамы, кажется, из тех, что сидели за высоким столом, тот самый тонконогий старичок, что произносил тост, и ещё пара подвыпивших гостей, которые обшаривали глазами комнату с каким-то пошловатым интересом. За их спинами виднелись две горничные. Лорд Ричард уже сидел за её спиной, как будто и не спал.

– Лорд Ричард, свидетели собраны.

Лорд сипловатым со сна голосом сказал:

– Могли бы и дать мне выспаться... неужели это не терпит до утра?

Тонконогий старичок как-то ехидно захихикал:

– Лорд, вот я в вашем возрасте не уснул бы рядом со столь прелестной дамой! Согласитесь, лорд Беррит, теперешняя молодежь слабовата!

Заговорил лорд Беррит не со старичком, а с мужем Ирэн:

– Всё прошло удачно, лорд Ричард?

Муж что-то неразборчиво буркнул, потом сказал:

– Дайте мне одеться, раз уж не даёте спать!

Ирэн, совершенно оторопев, слушала этот дурацкий разговор и не понимала, что хотят люди, столь бесцеремонно ввалившиеся в спальню молодожёнов. Один из мужчин подал лорду Ричарду рубаху, тот повозился за спиной Ирэн, встал на кровати в полный рост и прыгнул на пол. После этого, он, запустив руки по одеяло, начал выдирать из-под

Ирэн простынь...

Выдернув её, он расправил её так, что всем стали видны несколько небольших пятен на простыни. Щёки Ирэн горели от неловкости, но кроме старичка в её сторону никто не смотрел. Одна из женщин, та, что помоложе, с жадным любопытством рассматривала лорда Ричарда, одетого в одну рубаху до колен. Леди Беррит сворачивала простынь, мужчины довольно громогласно рассуждали, что у графа Эронского пятен на простыне было больше и подшучивали над лордом Ричардом, обзывая его слабаком и утверждая, что он мало старался...

Наконец, все вышли, оставив только двух горничных. Лорд, не стесняясь своего полураздетого вида, уселся к столу и налил себе бокал вина. Одна из девушек принесла с собой довольно большой медный таз и кувшин тёплой воды.

– Леди Ирэн, вам нужно встать, я обмою вас.

Горящая от смущения Ирэн неохотно вылезла из-под одеяла. Девушка велела ей встать в таз, намочила большую бе-

лую тряпку в тёплой воде и принялась обмывать леди. Вторая в это время, собрав обрывки сорочки, стелила на кровать чистую простыню. Ирэн стояла голышом в тазу и чувствовала, что лорд рассматривает её.

Храбрости ей это совсем не добавляло, скорее – неловкости, смущения и какой-то странной обиды. Та, что стелила постель, закончила работу и, поворошив угли в камине, подкинула несколько поленьев. Наконец, горничная подала леди новую сорочку и обе, прихватив таз и обрывки старой сорочки, вышли, плотно закрыв за собой дверь. Ирэн юркнула под одеяло. Ричард ещё некоторое время сидел, глядя на разгорающийся в камине огонь.

Потом муж встал, дошёл до дверей и закрыл дверь на засов. Вернулся к постели и сказал:

– Подвинься.

Ирэн забилась к стенке, матрас прогнулся под большим тёплым телом, но она старательно отодвигалась, боясь прикоснуться к чужому человеку. Ричард хмыкнул и сказал:

– На сегодня хватит, я устал... Можешь спать спокойно.

Немного помолчал и добавил:

– У тебя хорошие бёдра, надеюсь, ты родишь мне сына...

После этого установилась тишина, и через некоторое время Ирэн услышала мерное сонное дыхание мужчины.

Утром следующего дня её разбудила Анги:

– Леди Ирэн, пора вставать, завтрак подадут уже совсем скоро.

Ирэн тревожно вскочила, но место, где спал муж, уже пустовало. Заметив её взгляд, Анги сказала:

– Лорд Ричард уже в зале, леди. Свадебный завтрак всегда подают в полдень, чтобы молодые успели выспаться. Я принесла ваше платье и умыться...

Завтракали торопливо, мужчин сегодня ждало развлечение – охота. Во дворе слышался собачий лай и грызня, ржали кони, наконец, раздался какой-то завывающий звук и вскоре всё окончательно стихло. Ирэн, как и многие женщины, подошла к окну и увидела, что над воротами в замок развеваются два белых полотнища. Если бы не её новое, прекрасное зрение, она бы ни за что не догадалась, что это простыни. Ей стало неловко...

Женщины оставались в замке. Им предстояло провести день за сладостями и сплетнями. Длинный стол слуги сдвинули к одной из стен. Леди Беррит, на правах хозяйки, вела беседу, ходя по залу и болтая то с одной, то с другой группой женщин. Сания и Ирэн послушно ходили за ней следом, улыбаясь и слушая сплетни. Большая часть этих сплетен, а если честно, то ни одна из них, интереса у Ирэн не вызывали. Она не представляла, о ком и о чём говорят дамы. Сания, кстати, больше не делала попыток взять Ирэн за руку. Да и общаться не стремилась. В углу зала сидел приглашённый менестрель и наигрывал на каком-то странном инструменте

с пятью струнами различные мелодии. Дамы периодически просили исполнить то одну, то другую известную им песню.

Зато Ирэн внимательно рассмотрела, чем именно предложили благородным леди угощаться. Кроме большого стола, где стояли вазы с фруктами, было ещё несколько столов поменьше, вокруг которых и группировались леди. Сладкие пироги с разными начинками, мёд, сливочное масло, несколько видов печенья, крупно нарезанный сыр и вино. Сегодня в графинах было почти не разбавленное вино, так что ближе к вечеру, когда во дворе снова затрубили рога и слышались голоса людей и собак, многие из дам были уже изрядно навеселе.

Подали ужин. Наевшиеся за день женщины почти не ели, зато гораздо больше, чем вчера, болтали, мужчины вспоминали охоту, причём довольно удачную – привезли три оленьих туши. К завтраку леди Беррит обещала подать дичь. Ирэн чувствовала себя совершенно разбитой – она устала от бесконечных непонятных разговоров и новых лиц, боялась ошибиться и перепутать чьё-либо имя – среди гостей были и ближайшие соседи, которых она, разумеется, не знала. Хотя, безусловно, знать должна была. Ей хотелось, чтобы всё это закончилось побыстрее. Муж по-прежнему практически не

обращал на неё внимания, и она не знала, как спросить, скоро ли они отправятся в путь.

Муж Сании, как она заметила, был, всё же, немного любезнее с женой. Иногда они даже о чём-то переговаривались и Ирэн видела, что сестра смущается, но при этом – улыбается. Как подступиться к своему, она не представляла. Наконец, ужин закончился и молодых, под шуточки и смешки дам, отпустили в спальню. Гости остались за столами – пришли жонглёры и тот же менестрель, что пел днём.

Лорд Ричард крепко держал Ирэн за локоть и уверенно вёл её в спальню. Никаких горничных сегодня не было. Он сам повернул её спиной к себе, распустил шнуровку на платье и помог освободиться от одежды. Ирэн хотела попросить подождать день или два, пока внутри всё заживет, но посмотрела на мужа и не рискнула. Впрочем, долго он её не мучил – сегодня он явно был уставшим.

Ирэн лежала и думала, что мужа её нельзя назвать ни ласковым, ни нежным. Хотя, безусловно, особо-то и сравнивать ей было не с кем. Единственный мужчина, кто был в её жизни – это первый муж. Секс со вторым напоминал ей о нём.

Когда через год после свадьбы страсть и любовь Андрея прошли, в постели он вёл себя примерно так же, так что ничего нового она не узнала. Чуть саднило внутри, но это нормально. Собравшись с духом, она решилась заговорить:

– Лорд Ричард, скажите, а далеко ехать в ваш замок? И когда мы туда отправимся?

– Через два дня. Спи.

Ирэн послушно закрыла глаза – лучше не спорить.

Утром, после завтрака, гости разъехались. Оба мужчин – и лорд Ричард, и муж Сании сидели в покоях лорда Беррита. Сестра руководила переноской в покои своего мужа сундука из девичьей комнаты. Ирэн не знала, нужно ли ей делать то же самое. Зато у неё появилась возможность побыть у себя. Анги поглядывала на неё, но спрашивать о чём-либо не рисковала. Зато поделилась важной новостью:

– Питер приходил утром рано, ну, когда лорд Беррит спал ещё... Ага, так вот, вчера он разговор слышал про ваш за-

МОК...

– Анги, пожалуйста, расскажи! Я так и не знаю, далеко ли он находится и что там есть...

– Замок-то разрушен ваш... В войну, ну, помните, кончилась которая несколько лет назад, он в осаде был. И стенобитным оружием стену проломил, да и две башни разрушили. Это лорд Ричард мужу леди Сании объяснял. Часть он отремонтировал, а теперь, на ваше приданое, остальное восстанавливать будет.

– Анги, а когда точно война закончилась?

Анги принялась загибать пальцы:

– Сперва у Лизетты тройняшки родились... Потом неурожай был сильный, потом матушка у меня померла... – она ещё что-то бормотала под нос, а обалдевшая от такого способа счёта Ирэн не знала, что и подумать – Вот столько лет прошло! – одна рука была сжата в кулак, на второй загнуты два пальца.

– Семь лет?

– Откуда я знаю-то? Вот столько, сколько показываю!

– Спасибо, Анги... Это всё, что рассказал Питер?

– Да, леди, всё...

– И он не говорил, сколько дней туда ехать?

– Нет, не говорил.

– Хорошо. В любом случае, это будет не один и не два дня. Пожалуй, нам стоит пересмотреть одежду и решить, достаточно ли тепло мы одеты с тобой.

На утро третьего дня во дворе стоял большой шум – грузили телеги, седлали коней, отряды солдат, отлично проводивших время и сдружившихся, пока господа женились, прощались друг с другом. Ирэн и Санию ждали две кареты. Сразу из ворот замка они разъехались в разные стороны.

Ирэн уже знала, что ехать придётся почти месяц. И это вызывало у неё оторопь – целый месяц в карете, без возможности вымыться, без нормальной еды... Анги, впрочем, бы-

ло скорее любопытно – она ещё нигде не была, кроме родной деревни и замка лорда Беррита.

Глава 20

Ехали уже третью неделю, и Анги не уставала благодарить свою леди за подштанники. Это странное слово она за два дня до отъезда из дома услышала первый раз в жизни и очень возмутилась, когда поняла, что именно хозяйка имеет в виду.

– Мыслимо ли дело, как мужик какой ходить! Да святой отец проклянёт, ежели узнает!

– Не скажешь – он и не узнает! – разозлилась леди – А с голой .../тут леди произнесла слово, которое, по разумению Анги, и знать-то не должна была/ ехать – потом всю жизнь болезни женские лечить. Да и детей рожать не сможешь. И вообще, Анги... Если тебе не нравится мне служить – можешь остаться в замке. Думаю, мадам Векс найдёт тебе работу.

И Анги сдалась... Так-то она сразу заметила, что после свадьбы леди её стала... ну, не злее, нет... Просто строже и раздражительнее. Пропала куда-то её мягкость, как будто спряталась. Нет, к ней-то госпожа относилась хорошо, грех

жаловаться, но вот с леди Санией даже не попыталась поговорить. Оно, может быть, и к лучшему. От сестры леди – одни неприятности и проблемы. Только вот раньше бы она, госпожа-то, конечно, побежала бы к сестрице советоваться, случись что. А тут – всё молчком.

Зато Анги хватило ума убедить леди, что никто-никто и знать про это богохульство не должен! За такое церковь не похвалит, нельзя женщинам мужскую одежду носить! А мужчинам – женскую. Впрочем, похоже леди Ирэн и не собиралась обсуждать своё исподнее даже с леди Санией. А уж снимала хозяйка это богопротивное изобретение сразу, как в тепло попадала. Да ещё и стирать каждый раз заставляла! Но к концу третьей недели Анги была готова и стирать их, хоть каждый день, была бы только возможность, и носить сама – под платьем не видно, а если бы не они – давно бы заболела. Это она уже поняла. В карете к вечеру приходилось кутаться во всё, что есть из одежды. Так что больше не казались ей эти странные штаны таким уж непотребством. Более того, была бы возможность – двое бы сразу надела – для тепла.

За три недели они под крышами замков всего четыре раза ночевать смогли. Конечно, на улице спать не приходилось, воины лорда выгоняли из дома несколько семей крестьян, и

леди Ирэн со служанкой ночевали под крышей. Но крестьянский дом и есть крестьянский – дуло из всех щелей – хуже, чем в замке. Да и хворост не всегда был. Анги смотрела на знакомые с детства нищие крестьянские хижины и радовалась, что когда-то, ещё подростком, её взяли служить в замок.

Зато если попадали в замок – задерживались на день-два. И лошадям роздых давали, да и солдатам – отоспаться-отогреться нужно было. Правда, в замках Анги иной раз и хуже приходилось, чем в крестьянской хижине. Зато для леди всегда готовили ванну – помыться с дороги, постирать было где, опять же... Госпожа сильно злилась, что Анги свою одежду стирать не хотела – пришлось смириться. Всё же она, леди-то, всегда заботилась, чтобы у Анги еда была хорошая, чтобы спала если уж не в тепле, то хоть тепло закутанная, чтобы солдаты лорда её не трогали.

Солдат ехало больше сорока человек, да девять телег, какие – с приданым, какие – с имуществом самого лорда, с зерном для коней, с оружием и запасами еды. Большой обоз получился. И в первые-то дни Анги прямо боялась отойти от леди – больно ей ухмылки вояк не нравились. Не дай бог, удумают что дурное! А потом, во время одной из остановок

на ночлег, она даже размяться ещё не успела после кареты, один из них, тот самый, что ей всегда подмигивал и норовил за зад ущипнуть, схватил Анги за руку и потащил куда-то, а остальные только смеялись и советы давали.

Анги тогда с перепугу даже закричать толком не смогла. Зато леди Ирэн из кареты выскочила и такой крик подняла! И стоял этот кабан здоровущий перед ней и оправдывался, пока лорд Ричард не вышел из дома, где с хозяевами о ночлеге договаривался. Выслушал он спокойно возмущение своей леди, повернулся к воякам и сказал:

– Это служанка вашей леди... Руки оторву...

И даже голос не повысил, а только больше никто и не подходил к Анги – вроде как, она теперь – пустое место. А лорд потом подхватил леди под ручку и отвёл в сторону. И что-то ей там говорил... Леди Ирэн после разговора очень сильно расстроенная была. Кто их, господ, знает, о чём говорили-то...

Тогда, помнится, ночлег хороший был – в купеческом доме, у знакомых лорда. Какие-то дела у них общие велись с

этим купцом. Вот и сегодня ночевать будут они у знакомых – лорд ещё вчера с утра одного солдата отправил гонцом. Значит, постирать Анги найдётся где.

Замок лорда Верского был не слишком и велик, не сравнишь с замком лорда Беррита. Но Анги уже давно поняла, что совсем не важно, велик ли замок или дом, важно – богаты ли хозяева. У купца тогда и кормили вкусно и сытно, да и спали слуги в тепле. А за неделю до этого в замке ночевали – так если бы не еда с господского стола, она бы к утру от голода померла. Так что замок Анги осмотрела снаружи, как только из кареты вышла, и осталась вполне довольна – из нескольких труб на крышах валил дым. Значит – топят, значит – тепло будет и для стирки вода не совсем ледяная.

В замке лорда Верского пришлось задержаться ещё на два дня – праздновал хозяин рождение наследника.

Ирэн вымотана была и дорогой, и неуёмным темпераментом мужа – при любой возможности лорд норовил исполнить свой супружеский долг. Лучше уж в хижинах крестьянских ночевать и клопов там кормить, чем...

Нельзя сказать, что Ричард был ей противен. Нет, но раздражало даже отсутствие попытки сделать ей приятно. Так она и лежала каждый раз бревном, думая о всякой ерунде и ожидая, пока муж насытится. Утешала себя тем, что хоть не извращенец. И на том, как говорится – спасибо тебе, господин...

С мужем вообще всё было сложно. Он обращался к ней – Ирэн, но когда она назвала его по имени, сделал замечание:

– Ирэн, я не давал тебе права обращаться ко мне по имени. Дома для всех я – лорд Ричард, для чужих – лорд Норбертский.

Замечание он сделал не раздражаясь, совершенно спокойным тоном. Так, как будто воспитывал ребёнка. Учил его... Это раздражало. Понятно, что чужой мир – чужие правила, но неприятно. Тем более, что Ирэн прекрасно помнила, что в тех замках, где они останавливались раньше, жёны обращались к мужу на «ты» и по имени... В трёх из четырёх. А в одном – жена обращалась к мужу – лорд Чейз. И казалось, что супруги с трудом терпят друг друга. Неужели она тоже

мужу неприятна?! Как он тогда её отчитывал, когда она за Анги заступилась!

– Ирэн, никогда не смей повышать голос и пытаться командовать моими людьми. Если тебе что-то нужно – спроси у меня.

Ирэн тогда промолчала. А так хотелось спросить:

– Любезный лорд, нужно ли мне было зайти в дом и при посторонних сообщить о том, что ваши солдаты – насильники и скоты?

Но скандалить она не умела. Только день ото дня всё больше гасла в душе надежда на счастливое супружество. Неужели рядом с ней всю оставшуюся жизнь так и будет жить чужой человек? Совершенно чужой! И главное, даже не пытающийся стать хоть чуть ближе? И вот вроде претензий-то предъявить не выйдет.

Лорд Верский оказался невысоким толстяком около соро-

ка лет, несколько болтливый и радушным. С Ричардом они когда-то воевали рядом, потому и рад он был гостю несказанно. А тут её и повод такой – ну как не отметить рождение наследника?! Как не похвастаться перед соседями?!

Леди Ирэн нанесла визит леди Джейсе. Перед тем, как идти к молодой матери, она спросила у мужа:

– Лорд Ричард, возможно, стоит подарить что-то леди в честь знаменательного события?

Лорд задумался, а потом спросил:

– А что бы ты хотела подарить?

Ирэн растерялась. Откуда она может знать, что дарят благородной леди на рождение ребёнка? Вообще, нужно ли это делать? Аккуратно сказала:

– Лорд Ричард, когда моя мачеха, леди Беррит, родила на-

следника, я болела, а потому не знаю, что именно ей дарили. Я думала, что вы сможете мне подсказать.

– Ну, муж обычно дарит в таком случае украшение. Какое-нибудь колъе, ожерелье или что там ещё женщины любят... Ты можешь подарить что-то попроще. Кольцо или серьги...

Послушно кивнув, Ирэн полезла в свою шкатулку.

Леди Джейса Верская оказалась совсем молодой девушкой, ровесницей Ирэн. Она лежала в огромной кровати, под присмотром сиделки и няньки, бледная, с полопавшимися сосудами в глазах, но очень довольная. И серьги, которые, взяв из рук Ирэн, преподнёс ей лорд Ричард, явно обрадовали её. Им показали наследника – трёхдневного крошку, которого завтра будут крестить. Наплевав на всех визитёров, наследник лорда Верского мирно сопел в колыбельке, смешно причмокивая губами. Ирэн вздохнула – малыш был совершенно замечательный. Ради такого стоит потерпеть и визиты мужа, да и любые другие неприятности.

Молодой матери ещё не разрешали вставать, потому

утром на крестинах её не было. Сам обряд провели в крошечной замковой часовне, в присутствии приезжего священника и полутора десятков соседей. В обед был пир, как и положено. А для развлечения гостей в замке находился менестрель. Вот его-то рассказы, после того как гости перепились и слуги разнесли их по комнатам, и удерживали леди Ирэн в зале. Лорд Верский и её муж сидели за высоким столом, относительно трезвые, и что-то обсуждали. Ирэн, пожилая леди Сойтер, задремавшая в кресле, две средних лет леди и молодой сын соседа, юноша лет семнадцати, слушали рассказы Джвайва.

Менестрелю было около тридцати, на взгляд Ирэн. И в своей жизни он побывал даже за морем. Он много и интересно рассказывал о Франкии, где прожил в юности почти три года, о южных районах Англитании, где пробыл весь позапрошлый год, и Аргонию, страну за морем, где ему довелось пожить пару лет.

– Там есть удивительная машина, в которую кидают дрова, а она крутит мельничное колесо! И это не сказка, я видел это сам, лично. Там много удивительного и не похожего на нашу благословенную Англитанию. Возможно, вас это шокирует, леди, но там настолько безбожная страна, что жен-

щинам позволено носить брюки! Представляете?

Леди средних лет дружно вздохнули и перекрестились... Юноша порозовел – похоже, ему эта идея показалась верхом непристойности и эротичности, так как он стал выпрашивать подробности:

– Джайв, но куда смотрят мужья этих женщин?! Почему они их не накажут?!

– Мой лорд, там довольно гористая местность. Считается, что леди в платье не смогут сохранить скромность. А некоторые из них и вовсе... не замужем!

– Ну, у них же есть отцы, братья. Почему они не могут запретить такое?! Конечно, я бы хотел посмотреть на...

– Лорд Димос, что за фривольные мысли?! – заворчала проснувшаяся леди Сойтер – Вот я пожалуюсь вашей матери, негодник!

Вредная старуха так и не позволила дослушать ни про Аргонию, ни про Крейские острова, где тоже успел побывать

Джайв.

Глава 21

Молодое тело подводило леди Ирэн – хотелось нежности, если уж не страсти...

Хотелось душевного тепла и внимания...

Хотелось подарков... Нет, не обязательно драгоценностей или чего-то редкого, её бы порадовал и пирожок, предложенный лордом Ричардом. Но – нет. Ухаживать за женой лорд явно не собирался.

Так-то, если подумать – а зачем бы ему это было нужно? Спать он с ней будет, когда захочет. Ребёнка она родит, никуда не денется. Получается, что он её будет держать при себе... как корову, от которой приплод ждёт.

Была и ещё одна деталь, которая не просто ей не понравилась, а чем-то отчётливо напомнила историю с мохеровым шарфиком. Как она тогда мечтала, что вот будут выходные, и они с Андреем, молодые и красивые, очень-очень модные,

пойдут гулять в парк... Конечно, лорд Ричард не отбирал у неё серёжки и не дарил сестре, но вот из рук её подарок забрал, и получилось, что это уже и не от неё подарок, а от главы семьи. А она, Ирэн, как всегда – ни при чём. А взамен – даже спасибо ей не сказал. Как-то всё это низко и мелко. Противно было...

Зато первый раз это заставило её задуматься. Серёжки и то, что в сундуках – её личная собственность. А пятьсот львов, замок и всё, что в нём – собственность мужа. Так с какого, простите, перепугу её подарок вдруг стал общим? Зачем она, Ирэн, вообще сунулась с этими серёжками?! Кто знает, как её собирается содержать лорд. Может, ей и еду себе придётся покупать? А она разбазаривает и то, что отец дал. Жадной Ирэн даже в той жизни не была, но хозяйственной – всегда.

А уж ситуация с солдатами, с точки зрения Ирэн, совсем за гранью. Они – служащие её мужа, но она не имеет права им приказать?! Конечно, у неё и привычки-то приказывать отродясь не было, но ведь эти его слова, что она приказывать не имеет права, значат, случись что – её никто и слушать не станет. Это только подчёркивает её бесправие. Она, Ирэн, что-то вроде домашнего питомца лорда, получается? Этакий

хомячок, которого никто не тронет, ибо лорд рассердится, но и мнение его ни для кого не интересно.

Первый раз за всё время Ирэн чувствовала отвращение – ну живой же она человек? Почему с ней как с рабыней обращаются? Что плохого она сделала этому самому лорду? В чём провинилась-то перед ним? Неужели нельзя это всё как-то помягче сделать?! Почеловечнее просто.

В душе поднималось некое подобие протеста. Отношение Ричарда так напоминало отношение к ней Андрея в последние годы перед смертью его... Завёл себе девку и, как выяснилось после похорон, не особо и скрывал её. Все вокруг знали и смеялись за спиной. Тратил общие деньги на шубы и развлечения. Ирэн сравнивала мужей и в душе поднимался какой-то мутный, грязный фонтан злости. Даже не на них, на себя. Они, оба, ей просто пользовались. С ними-то всё понятно. Но почему она, молодая и красивая, позволяет им это делать?!

Там, в той жизни, она так и не развелась с Андреем. А в этой – разводов не бывает.

Анги, закутанная в старые, но отмытые шкуры, задремала в карете. Ирэн смотрела на её спокойное, умиротворённое лицо и думала, что вот эта девушка ей – ближе мужа, понятнее, чем лорд. И заботится она об Ирэн, и переживает за неё, и помогает во всём. И леди посетила странная, довольно абстрактная мысль – случись что, она, Ирэн, в первую очередь кинется спасать Анги, а не лорда. Нет, конечно, представить себе ситуацию, в которой ей пришлось бы спасать мужа, она не могла. Но вот странная мысль так и осталась где-то на задворках сознания.

А пока Ирэн изо всех сил старалась понять, как ей выжить в такой атмосфере равнодушия и неприятия? Без настоящей защиты, без особых перспектив. Сейчас ей всего семнадцать лет. Неужели всю оставшуюся жизнь, ещё лет шестьдесят-семьдесят, вот так и ходить и не отсвечивать? Не надеяться на доброе слово и человеческие отношения? Ещё неизвестно, как муж с ребёнком поступит.

Леди-соседки лорда Верского, ну, из тех, что в возрасте, вечером за столом после пира сплетничали. Она вмешиваться и спрашивать не рискнула, но уши-то успела погреть. Так вот, ребёнка могут и отобрать! Вот если у неё свекровь будет

зараза, да муж её послушается – такое вполне может быть. Наймут кормилицу, и какая-то тётка деревенская выкормит ребёнка, а свекровь его воспитает. И будет он так же, как отец его – равнодушен к матери... Обсуждали же эти леди как раз такую историю. Там сын, как наследство после смерти отца принял, так мать в монастырь и сослал. В нищий. И ведь никто не пожалел женщину. А что её жалеть, если кроме единственного сына она только дочь ещё родила и всё?

Эти совсем не радужные мысли одолевали Ирэн всю дорогу до самого замка. Она крутила их не один день, разворачивая и так, и этак, пытаясь понять, как, ну как, чёрт возьми, выжить? Как получить в этой жизни если не счастье, то хотя бы покой и уверенность в завтрашнем дне? Знать, что ребёнка будет воспитывать сама. Что малыш будет любить её. Что ни она, ни дитя не будут голодать и зависеть от чужой воли? Что её не сошлют в монастырь по воле злобной свекрови?

В последнюю ночёвку Ирэн всё же не выдержала и спросила мужа:

– Лорд Ричард, а почему ваши родители не приехали на свадьбу? – сердечко у неё колотилось – она далеко не всегда

понимала, что можно спрашивать, а что – нет, но сейчас ей было уж совсем невмоготу. Образ коварной и злобной све-крови сидел в голове так, что она даже есть нормально не могла.

– Мой отец погиб с честью, защищая свои земли. При штурме замка, восемь лет назад. – Эти слова прозвучали почти торжественно – лорд явно гордился своим отцом.

– Простите, лорд Ричард... – Ирэн искренне жалела, что пришлось затронуть это.

Смерть родителей – не тема для лёгкой беседы. Хотя, беседами их разговоры назвать просто невозможно. Изредка Ирэн собиралась с духом и что-нибудь спрашивала у мужа. Его ответы всегда были максимально лаконичны, и она делала выводы – беседовать с ней он не хочет. Возможно, ему эта тема не интересна. И следующая – тоже не интересна. Но если бы он хоть дал знак, о чём он мог бы с ней поговорить! Может быть, она его просто раздражает...

Ирэн помялась и задала ещё один вопрос:

– А ваша матушка?

– Её угнали в плен.

– В плен?! Она... Она сейчас в плену?!

– Она там умерла. Пока шли переговоры о сумме выкупа.

И столько равнодушия было в этих словах...

Ночью Ирэн плакала от собственного бессилия...

Замок появился на горизонте после обеда, когда на землю уже падали лёгкие сумерки. Он был не просто велик, он был громаден! Карета катилась по довольно широкой дороге, местами из-под растоптанного копытами, грязного снега проглядывали булыжники. Трясло немилосердно, в открытое окно задувал ледяной ветер, но Ирэн не собиралась закрывать маленькие ставни и не задёргивала внутренние шторы – ей было интересно. Анги ёжилась от холода, как и хозяйка, но выглядывала в другое окно. Именно здесь, в этом замке, им и предстоит прожить всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.